

Колосёв

3
МАРТ
1970

88-1

Костёр

3
МАРТ
1970

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Знаете, какие ребята
есть в деревне
Равенка?

1

Куда ведут семь Ко-
мандоров?

28

Про велосипеды и не
только про велоси-
педы

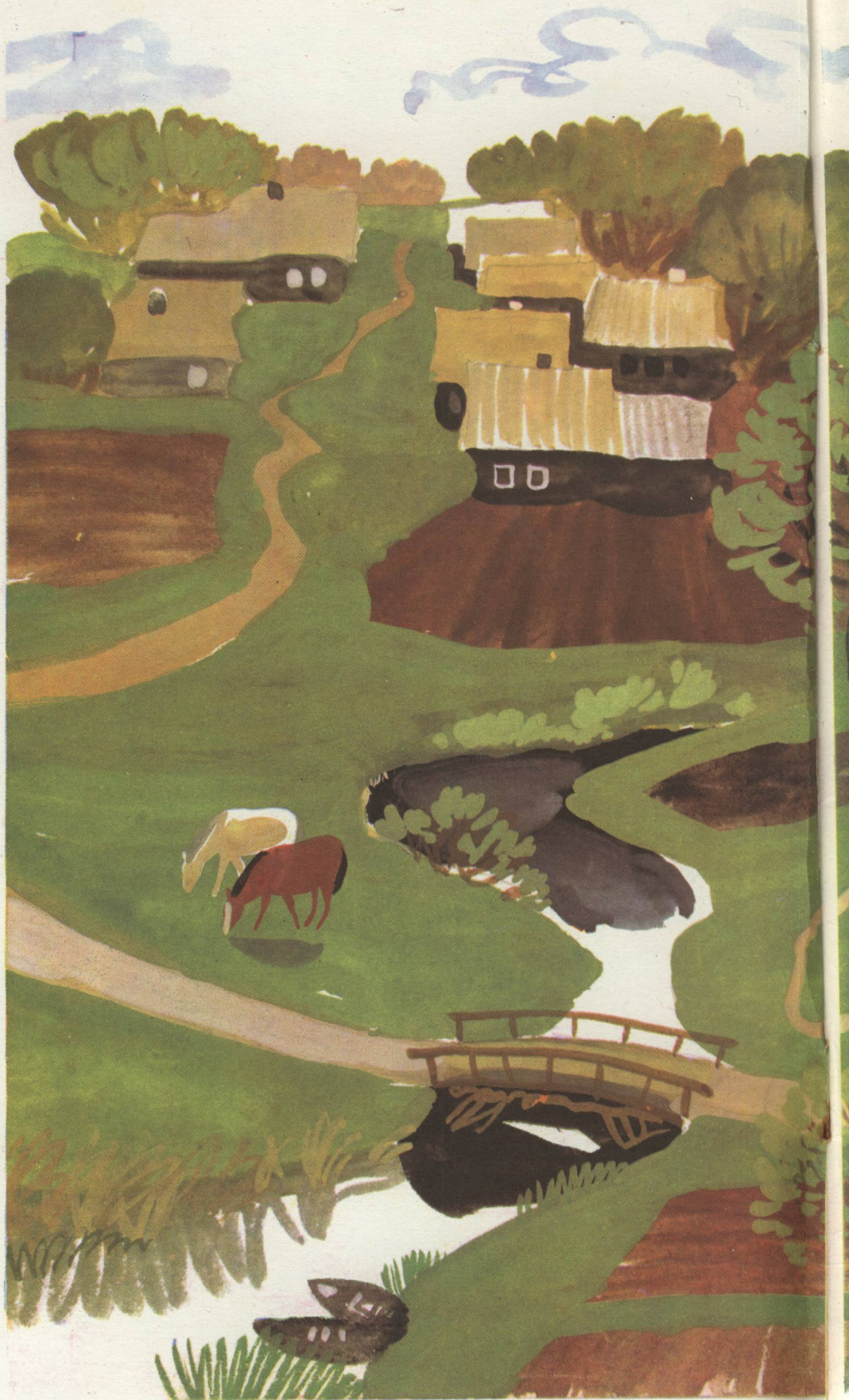
46

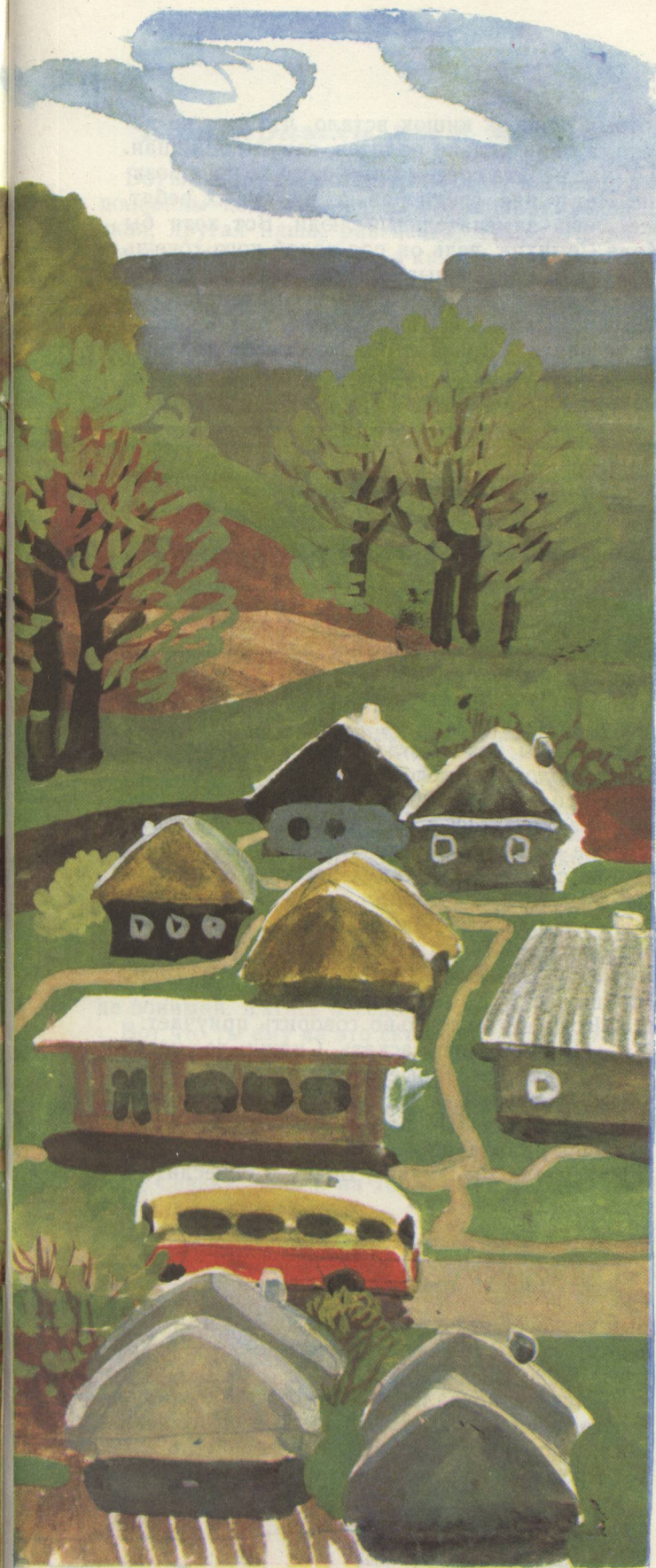
Интервью с амери-
канской коммунист-
кой

50

Новые приключения
старой лодки

56

ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ

ПОВЕСТЬ

Владимир Арро

Рисунки Т. Канустиной

Наш берег правый

Наш берег правый. Их берег левый. Нам их видать, все, что они делают, кильки проклятые! Это мы их кильками зовем. Они-то себя называют кильковские — деревня, значит, у них Кильково. А мы — равенские, наша деревня Равенка. Нас никак не обзовешь. Они уж пытались: и равены, и равки. К нам не прилипает. Равенские мы. А они кильки, кильки!

Эй, кильки, килечки! На копейку сто башок!

Деревня у нас хорошая, на горке стоит. Ветерок дунет — ни слепней нет, ни комаров.

По берегу крутому вязы растут, это деревья такие, у них кора будто вязаная, а на этих вязах гнездится всякая птенчура.

Слышали, как скворец в мае поет? Выделывает всякие колена, даже трясется от радости, а потом помолчит и будто струночку оборвет, слышали?.. Д-день! Помолчит и еще разок: д-день! Ну, ясно, это он про день говорит. Я скворцов очень уважаю. Если кто скворчье гнездо разорит, пусть лучше на глаза мне не попадается. Я и ласточек не позволю обижать, и стрижей. Но вот что ты скажешь, не люблю воробья! Может, это и неправильно, но я воробья не люблю.

Вора-бей — слышали как? Это значит: бей вора. Вот что это значит. И не зря. Если стая прилетит в огород, все семена с грядок склюет, все ростки повыдергивает, а разве ж так можно? Ведь мы же трудились, и брат Паша приезжал из города помогать.

У нас огород большой, ухоженный. Вот погодите, у меня скоро подсолнухи такие вырастут, что под каждой шляпой хоть от дождя хо-

ронись. А луку будет, а моркови, а огурцов, а всячины всякой!..

С нашего огорода за реку красиво глядеть. Сначала идут луга заливные, это пойма, там щавель растет. В момент можно набрать полную рубашу. Дальше там вика с овсом, тут же гороховое поле, а к лесу ближе будто море синее колышется — это люпин. Лес есть ближний, роща по-нашему, а есть и дальний. За дальним лесом солнце встает.

Вот только Кильково все время в глазу маячит, тьфу, хоть бы и не глядел! Мне Кильково

потому поперек кишок встало, что там не ребята, а одни кильки родятся, зануды и лишай.

У нас ребята совсем иные, кого хочешь возьми. Нет у нас, среди равенских, худых ребят, все очень замечательные люди. Вот хотя бы Коля Семихин, ведь он под водой кого хочешь пересидит, уж он нырнет, так нырнет. И Федяра у нас ничего себе парень, правда, шкода. А лучше Саньки с Ванькой ни в одной деревне не найти. Санька с Ванькой очень хорошие полузащитники. Они у нас близнецы. Сначала Санька народился, а там и Ванька появился.

У Коли Семихина есть маленький братец

У Коли Семихина есть маленький братец — Вовка. Коле надо его всюду с собой таскать. Он Вовке вместо няньки, пока мама с отцом на работе, — а с таким грузилом разве далеко уйдешь? Прямо никудышное положение образовалось. Ни в футбол сыграть с кильковскими, ни в лес сходить, ни рыбу позагонять.

Истошала наша равенская команда. Толик Малашин со всей семьей по осени в город подался. Замечательный был нападающий. Орловы теперь живут в Кильково, отец их там построился. А Сизиковы возле магазина дом купили, им теперь способнее за кильковскую команду играть.

Слабый стал наличный состав. Приросту никакого. Да нынче и ребята больно долго растут. Я вон как быстро вырос: одно лето, другое, а я уже в четвертый класс перешел. А Вовке как раньше сопли утирали, так и теперь надо утирать. Вот что ты будешь с ним делать, а ведь бросать маленького нехорошо, что-то придумать надо. Я и говорю Коле Семихину:

— Вот что, Коля, с таким грузилом далеко не уйдешь, а бросать нехорошо, что-то придумать надо. Давай, Коля, носилки сплетем.

— Это какие такие носилки? — Коля спра-

шивает. — Это которые с ручками? Как у Любы в амбулатории?

Я говорю:

— С ручками и с ножками. На ножки ставить, за ручки носить. Ты спереди, я сзади, а то с Федярой попеременно.

— Это ты правильно придумал, — говорит Коля. — Давай.

Взяли мы два шеста, поперек натянули веревки, положили телогрейку, чтобы Вовке мягче сидеть. Хорошие носилки получились. Мы сначала друг друга для пробы поносили, Федяре — впору, Саньке с Ванькой — впору, а уж мы с Колей для таких носилок больно тяжелы, чуть не сломали.

Погрузили мы Вовку, он доволен, руками размахивает! Вот как хорошо!

— Вы саткать меня будете? — это Вовка спрашивает.

А Коля его правильно говорить приучает:

— Не саткать, а таскать. Скажи: таскать!

Но Вовке некоторые слова нипочем не сказать. Маленький еще. Ничего, в школе обучат. Там как Мария Яковлевна влепит кол, сразу начнешь правильно говорить.

Погрузили мы, значит, Вовку и понесли.

В Кильково и сельсовет

В Кильково и сельсовет, и магазин, и клуб, и автобусная остановка.

Как же это получается, в одной деревне все, а в другой только амбулатория? И в школу нам с Колей Семихиным придется в Кильково ходить. Свою-то мы через год закончим.

Я нынче похвальную грамоту за успехи в учебе получил. Я способный к учебе. Отец говорит: раз ты, Антошка, способный к учебе, то будем тебя учить. Учись, сынок. Паша вот

был неспособный к учебе, так мы его маленько недоучили, а тебя — стало быть, меня — будем учить.

Коля до похвальной грамоты не дотянул, у него почерк какой-то корявый, и он не понимает, что такое икс. Но благодарности ему все-таки вынесли.

Уж как мы будем ходить в Кильково, не знаю: там не то что грамоты, а и спасибо не получишь.

Вот пришли мы к мосту

Вот пришли мы к мосту, а мост у нас на две половины поделен: одна половина кильковская, другая наша, равенская. Там даже зарубка на бревне имеется, а как же иначе, — без зарубки, того и гляди, будет раздор.

Стоит Шурка Шаров на своей половине, рыбу ловит, а Тришка, подлец, на нашу уже перешел.

Взошли мы на мост, я и говорю:

— Поди с нашей-то половины!

Тришка подчинился, ушел с нашей половины, видно, не захотел обостренья, да и так уж у нас с ними остро, дальше некуда. Ушел Тришка, а мы свои удочки закинули с нашей половины, вот это порядок.

Вдруг смотрю — с той-то стороны целая ватага кильковских идет. А во главе Сенька Морозов, он в пятые классы третий год ходит, до того ему надоело, что он уже папиросы курить выучился и на танцах с большими парнями рядом сидит.

Идет Сенька, а в руках у него намётка. Сеньке что наша половина, что своя — все одинаково, он прет напролом.

— Хыть! — говорит. — Амба итальяна!

Плюхнул он наметку возле наших поплавок, еле я успел удочку вытащить, а Коля-то Семихин не успел. Зацепился он крючком за наметку.

Коля говорит:

— Кончай, ты-ы, кончай...

— Амба американа! — говорит Сенька Морозов и как рванет у Коли удочку. — Моя твоя не понимай. Катись отседова. Хыть!..

Вот что ты ему на это скажешь, ведь он таблички умножения не знает, а за иностранца уже вторую неделю себя выдает.

А кильковские все: ха-ха-ха! Вот дохлые кильки!

Я говорю:

— Сенька, ведь и на тебя иностранец найдется.

— Ай, нехорошо. Твоя — равка, его — килька, моя — американа. Секим башка будем делать. — Это Сенька Морозов-то говорит. Совсем как полоумный.

А кильковские пуще прежнего: ха-ха-ха!

Сенька носилки наши с моста поднял.

— Это что есть? — спрашивает. — Это есть

наметка, хороший наметка. Будем щука ловить.

— Не тронь, — говорю, — не тронь носилок, не тобою сделаны!

Но где уж!.. Пошел Сенька куролесить. То на голову их кому-нибудь наденет, то в воду макнет. А то вдруг сел. Несите меня, говорит, как персидского царя. Подняли его кильковские, понесли по мосту, а Сенька направо-налево фуражку снимает, раскланивается, представляется полудурком, полудурок и есть.

Вдруг один шесток под ним — хрясь! Не выдержал шесток, я еще раньше знал, что он сучковатый. Сенька ногами в веревках запутался, лежит на мосту, барахтается. Тут я не вытерпел, схватил мокрую его наметку да сверху Сеньку и накрыл. Все кильковские хохочут, животики надрывают, а нам не до смеху. Подхватили мы Вовку и давай чесать к себе в Равенку.

Митя у нас уехал

Митя у нас уехал, вот что нехорошо. Без Мити мы будто бы обедняли. Он куда хочешь с нами ходил, хоть ему восемнадцать. Его

в армию не взяли по причине плоскостопия, это такая болезнь.

А уж как Митя на баяне играл! Как заигра-

ет он на баяне, так вся деревня на берег собирается. А на тот берег, бывает, кильковские сойдутся, заказы дают Мите. Мужики кричат: давай военную! А бабы: песню! А Митя что-то свое, непонятное играет. Вот и сидят кильковские, на наших, на рavenских глядят.

А сейчас Митя уехал. Хочу, говорит, постичь я настоящую музыкальную гармонию, да и репертуар у меня бедноватый, ведь я самоучка, нотной грамоты не понимаю, вот потому я и

собрался в районный центр. Да и жизнь надо понять, ребята, для общего развития мысли, как она там проистекает, вот что главное. Прощайте, говорит, как поумнею, так вернусь.

С Митей у нас авторитету больше было. А теперь что? Коля по рукам по ногам Вовкой связан, какая в нем сила? Федяра ростом мал и если уж может чем взять, так это только шкодой, а я этого не уважаю. Санька с Ванькой и вовсе еще мелкота.

Вот сидит на завалине Гошка Куварин

Вот сидит на завалине Гошка Куварин, на кур смотрит и травину жует. В руках у него длинный прут наподобие удилица.

Я спрашиваю:

— Куварин, а Куварин, чего сидишь?

— Возле своо двора сижу, — он отвечает, — не возле твоео. Вот потому и сижу.

Я говорю:

— Давай с нами ходить, Куварин, все-таки у нас силы больше будет, хватит тебе кур пасти.

— А я, — говорит, — кур и не пасу.

— А на кой же прут в руке держишь?

— Это удочка у меня, а не прут.

Присмотрелся я, и правда, в руках у него

удочка. И леска, и поплавок, как полагается, и крючок с червяком. Взял Куварин несколько червяков из баночки и бросил курам. Петухи загоготали, крыльями захлопали, куры бросились друг у друга червей отнимать. А Куварин тем временем удочку свою в самую их сумятицу закинул и сидит, травину жует.

Я спрашиваю:

— Куварин, ты это зачем делаешь?

— Мне рябую поймать надо, — отвечает Куварин. — Она, подлюка, яйца клюет.

— Ну, а потом-то пойдешь с нами? — я спрашиваю.

— Нет, — отвечает, — не пойду и потом.

Вот какой у нас Куварин.

В нашей деревне ни клуба, ни магазина

В нашей деревне ни клуба, ни магазина, ни сельсовета, а только амбулатория. Мы в амбулаторию каждый день ходим, но это ведь не кино. Там Люба работает, журналы читает, инструменты надраивает, чтобы блестели, а мы ей мешаем. Но нам ведь тоже надо куда-нибудь ходить.

Вот пришли мы утром в амбулаторию, а Люба сидит за столом и пишет. Коля Семихин говорит:

— Люба, дай витамин!

— Сейчас, только закончу, — отвечает Люба. Она нам каждое утро витамины дает.

Витамины — это такие желтые шарики. Они сначала сладкие-сладкие, потом никакие, потом кислые-кислые, потом снова сладкие.

Мы стоим посреди амбулатории и плакаты рассматриваем, а на плакатах нарисованы всевозможные бактерии. Их простым глазом никогда не различишь.

Федяра говорит:

— Во какие личинки! На них небось рыба хорошо берет!

Это он на бактерии подумал, что они личинки.

Я говорю:

— Федяра, это же бактерии! Правда, Люба? На них нужно смотреть в микроскоп.

— А где они живут? — спрашивает Федяра. Сразу видно, что он только два года учился.

Я говорю:

— В земле небось. Правда, Люба?

Люба голову подняла и говорит:

— Везде! Например, много видов бактерий находится на коже человека.

— На коже? — удивился Федяра и посмотрел себе на руки. — А где?..

Я тогда засмеялся.

— Ты, Федяра, все простым глазом хочешь различить, а их и не видно простым глазом, верно, Люба?

— Конечно, — говорит Люба. — Хотя их тут у тебя миллион.

— Миллион?.. — вскричал Федяра и давай рука об руку колотить, бактерии стряхивать.

И Санька с Ванькой стали руками обмахиваться. Люба хохочет. И мы с Колей хохочем, потому что нам-то ведь медицина понятна, мы уже в четвертый класс перешли.

Я говорю:

— Да они же безвредные!

— Правда, Люба, безвредные?.. — спросил Федяра.

— Безвредные, — отвечает Люба. — Только вы на всякий случай пальцы не суйте в рот.

Пока мы сосали витамины, Люба обмакнула щечку в пузырек с йодом и мне вчерашнюю садину помазала. А Ваньке — локоть ка-

кой-то мазью. А Федяре — ухо ядовитой синькой. Всех незаметно разукрасила.

Коля говорит:

— Люба, покажи шприц!

— Нет, — отвечает Люба, — и так много времени я с вами потеряла! А ведь кильковские ребята сейчас на осмотр придут.

— Это как же кильковские? — спросил я.

— А вот так, — отвечает Люба. — Очень просто.

— А мы когда же?

— Вы в последнюю очередь. Сначала кильковских осмотрю, а вы у меня всегда под рукой.

Вижу, мне Коля Семихин подмигивает и на дверь кивает.

— Ладно, — говорю, — мы пошли.

От деревни нашей Равенки

От деревни нашей Равенки идет склоном тропинка. Она в кукурузное поле уходит и выныривает прямо на боевую дорогу. Эта главная дорога называется боевой.

Когда кильковские вошли в кукурузу, мы бросились на них с пиками и стали их гнать. Их было человек семь или восемь, они, конечно, нападения нашего ни ожидали и поэтому разбежались кто куда.

Вот попрятались они все в кукурузе, никого не видно и не слышно, а мы-то знаем, что они где-то здесь сидят.

— Эй, — говорю, — кильковские, где вы тут, вылезайте!

А они молчат. Я говорю:

— Эй, не слышите, что ль?..

Вдруг Тришкин голос спросил:

— А вы гнать нас будете?

— А неуж не будем!

— Что же вы, не понимаете, а?.. — закричал Шурка Шаров. — Ведь нам на медицинский осмотр надо! Нам Люба велела!

— Мало ли велела! — кричу. — Может, мы сами еще не осматривались!

— А мы почему знаем!

— Ну, и чешите отсюда!

— Ваша, что ли, амбулатория? — крикнул Тришка.

— Наша! — крикнул я. — Наша амбулатория! И Люба у нас живет!

— А вот если мы в кино вас не будем пускать, тогда как?

— Вы-то?

— Мы-то!

— Ха-ха! Испугали! У вас и власти такой нет. Нас киномеханик Слава каждый раз дожидается. Без равенских началось хоть одно кино?

Тришка с Шуркой даже из кукурузы вылезли.

— Думаете, что это из-за вас, да? — Шурка даже засмеялся. — Дураки, и не из-за вас это. Славка Любу каждый раз ждет.

— Ну вот! — крикнул я. — Не все ли равно! Люба тоже равенская.

— А может, она скоро кильковской будет?

— Вот сказал! Это почему?

— Почему, почему... — сказал Шурка. — Не понимают они.

— Люба замуж за Славку собирается! — крикнул Тришка. — Что, не видели, как он ее после кино провожает? А как на лавочке они сидят, не видели?..

Уж этого я не выдержал. Я поднял пику и закричал:

— Бей килек!.. Вперед!

И все наши ребята закричали:

— Бе-ей!..

Мы бросились на кильковских, и они побежали. Мы гнали их до самой дороги. Они потом еще много раз останавливались и что-то нам кричали. И мы им кричали, и грозились им, и обзывали по-всякому, пока они не взошли на мост.

Как же так, Люба замуж собирается

Как же так, Люба замуж собирается! А она ведь с Митей ходила. Митя когда на учебу в район уезжал, она его провожала до самого поворота, и глаза у нее были заплаканные, и письма он ей пишет, а теперь, значит, Митю по боку, не может этого быть!

Мы подошли к амбулатории и увидели в окне Любу. Она сказала:

— Что это вы под окнами топчетесь, шли бы на реку или в лес. Да рубашки свои снимайте, вон как солнце печет.

Я сказал:

— Ничего, мы уж здесь посидим, в рубашках...

И сел на завалинку. А возле меня Коля Семихин. А с другой стороны Федяра. А возле

Федяры Санька с Ванькой. Весь наш наличный состав.

А сверху Люба на подоконник облокотилась.

— Что это, — говорит, — вы такие квёлые?

Я сказал:

— Мы-то ничего...

— Может, щавеля объелись? Животы, может, болят?

Я сказал:

— Животы-то у нас не болят, и щавеля мы еще сегодня не ели, а вот тебе, Люба, нехорошо нас обманывать.

Люба круглые глаза сделала и за косынку схватилась.

— Ты это, Антошка, чего?

— А ничего!

— Когда это я вас обманывала?

Тут я вскочил.

— Как бы с метелкой не выскочила...

Но Люба снова появилась в окне. Лицо у нее было красное, разгневанное, а руки она почему-то держала за спиной.

— Значит, я вас обманывала, предала вас?.. Судить меня пришли! В личную жизнь вмешиваться! Так вот вам, получайте!..

С этими словами она выхватила из-за спины клизму и давай нас поливать водой!

Мы отскочили от окна, но облить-то она все-таки успела. Больше всего меня. Я утерся и закричал:

— Теперь понятно, почему ты кильковских вперед нас осматривать захотела! Только они к тебе не придут!

Федяра крикнул:

— Хоть три года жди! Струсил твои кильку!

Люба прикусила губу и сказала:

— Ну и дураки. А вас я и вовсе осматривать не буду.

Коля сказал:

— Вот заболеем, так будешь!

— Сказала, не буду! Хоть умирайте тут, не буду я вас осматривать!

— И уколов делать не будешь?

— Не буду.

— Я согласен! — крикнул Федяра. — Больно хорошо!

— А кто за киномеханика Славку замуж собирается, а?.. Тишком от нас, значит? Вот так хорошо-о!.. В Кильково решила переехать, килькой, стала быть, захотела стать!.. А Митя как же?

— Ах вы, разбойники!.. — крикнула Люба и скрылась в комнате.

Коля Семихин покосился на крыльцо и сказал:

Коля крикнул:
 — А умрем, так тебе же и попадет!
 — Не попадет, — сказала Люба.
 — А вот попадет! — крикнул я. — Чего это, скажут, у Любы все равенские ребята померли? Что-то здесь не чисто.
 — Подумаешь, не велика потеря...
 — Да-а, не велика... А ну-ка, скажут, да-дайте ее в заключение!
 Люба сказала:
 — Меня кильковские спасут.
 — Кильковские! Может, Тришка с Шуркой?
 — Хотя бы и Тришка с Шуркой!
 — Ха-ха-ха! — засмеялся я. — Тришка твой первый от нас подрапал! А Шурка твой и вовсе трус!

— А ты что на меня орешь? — вдруг спросила Люба.
 — Я и не ору. А ты зачем, — говорю, — за муж тишком от Мити выходишь?
 — Опять за свое? Так вот тебе, вот!
 Люба схватила ведро и окатила меня водой.
 — Ну, хорошо, гляди же! — крикнул я. — Тебе это так не пройдет!
 — Еще и грозитя, бесстыдник, — сказала Люба. Она показала нам язык и ушла в комнату.
 Федяра сказал:
 — А вот я сейчас ей муравьев подпущу!
 И вынул из кармана коробочку. У Федяры всегда с собой какая-нибудь пакость. Он открыл коробочку и бросил ее в окно.

За нашей деревней Равенкой

За нашей деревней Равенкой, если идти по реке вниз по течению, есть Юрский овраг. Он весь зарос ольшаником и малиной. Туда дядя Леша, Саньки с Ванькой отец, стадо наше равенское гоняет. А на другом берегу кильковский пастух пасет.

Кильковский пастух по утрам кнутом шелкает. Вот хозяйки и выгоняют скотину. А наш

«На заре да на зорьки-и-и и эх да па-а-а сыро-о-ой тра-а эх да тра-а-авушки-и!..»

Я, бывает, от этой его игры просыпаюсь. Тихо, светло в деревне, только рожок заливается да птицы в вязах шебуршат.

Гонят пастухи скотину — один по левому, другой по правому берегу. Покрикивают, по-свистывают, будто незнакомы, друг на друга и не глядят.

Потом дядя Леша на солнышко взглянет, сумку поправит и крикнет:

— Максим Данилыч!

А с того берега:

— Эй!

— Покурим, что ли?

— Покурим, Лексей, покурим. Ты чего нынче куришь? Все сигареты? А я сигареты не могу, я все больше «Прибой».

Сядут два пастуха друг против друга и беседуют. Максим Данилыч старый уже, как закурит, так и кашляет.

— Чего это, — говорит, — кхы-кхы, Леха, все дождя нет? Трава горит начисто, не будет нынче покосу...

А с нашего берега дядя Лексей отвечает:

— Будет скоро дождь, вон радио передает.

— А откуда ему знать, твоему радиву? Что они там, в столице сидят, так им видать разве, какая тучка идет к нам в Кильково? Или, допустим, в Брехово? Радиво ведь не бог.

— А бог чего знает?

— Да бог-от знал, да тоже нынче все пере-забыл. А я вот думаю, Леха, нет в нашей земле в настоящее время притяжения, вот нет и дождя. А было бы притяжение, так дождик был — кхы-кхы! — он бы и был.

Долгий идет у них разговор, с одного на дру-

пастух, дядя Леша, на заре играет в рожок. Встанет он посреди деревни и заиграет сгонную:

гое перелетает, я с пастухами сколько раз сидел.

В обед дядя Леша пригоняет стадо ближе к деревне, на стоянку. И сигнал подает Саньке с Ванькой, напористый такой, звонкий:

«Ки-ри-ла! Ки-ри-ла!»

Идите, мол, мне на подмену, пообедавать надо да по хозяйству кое-что справиться. «Ки-ри-ла!»

Мы все ему на подмену идем.

А кильковский пастух на обед не ходит.

Мы говорим:

— Дедка, ты почему на обед не ходишь?

А он отвечает:

— Appetitu у мене, дети, нет.

Старый Максим Данилыч, мореный, уж, наверно, последний год пасет.

Лежат коровы полусонные, отдыхают, ждут своих хозяек. А бычок один — Фомушка — никогда не ляжет, все бы ему резвиться, овец пугать. Мы когда приходим, он к нам бежит вприпрыжку, чуть с ног не сбивает. У Саньки для него хлеб припасен, он его кормит и приговаривает:

— Фома ты, Фома, нет в тебе ума...

Санька лучше всех знает, как со стадом управляться, у него ни одна корова со стоянки не уйдет.

Мы с Фомушкой играем, играем до устали, а потом Санька скажет:

— Да полно, Фома, бегать-то. Ты поешь, поешь.

Хорошо на стоянке, вот слепни только надо едают.

Мы кричим через реку:

— Дедка, отчего же столько слепней?

— Слепней? Слепень тоже скотина нужная, — отвечает Максим Данилыч. — Что слепень, что комар — имеют значение. Они воздух в полете своем рассекают, а не станут летать, то воздуху застоюному быть.

Может, это и так, а зачем же кусаться? Пока сидим на стоянке, я их, окаянных, штук двадцать поймаю. Со слепнем вот что надо делать: в глаза ему поплывать и в пыль опустить. А после подбросить.

Такой слепень за реку почему-то летит.

Заиграл дядя Лексей

Заиграл дядя Лексей, мы и побежали.

Прибегаем на стоянку, а на кильковском берегу хозяйки с подойниками собрались. Сколько коров, столько и хозяек. Чего это они всем скопом, никогда прежде такого не бывало.

Шурки Шарова мать говорит:

— Еще и нынче допасет ли до холодов. Допасешь ли, Максим Данилыч?

— До холодов, може, и допасу, — отвечает кильковский пастух, — а на другой год, кхы-кхы, мене уже не хватит, у мене ведь, бабы, рвадикулит.

— Так, так! — говорит мать Шурки Шарова. — Кончается наш Максим Данилыч. Слышь, Лексей, к чему клоним, ты уж приходи на другой год наше стадо пасти.

Кильковские хозяйки зашумели.

— Приходи, Лексей, не обидим!..

— У нас стадо хорошее, большое, не то что равенское, столько да еще полстолько будешь получать!

Максим Данилыч, растерянный, стоит среди них, будто его заживо хоронят.

— А чего, — говорит, — Леха, и впрямь, иди...

— Подумать надо, — говорит дядя Леша.

— А уж как заиграешь ты на дуде, — сладким голосом говорит мать Шурки Шарова, — уж как заиграешь...

Хозяйки засмеялись:

— Приходи, Лексей Иваныч, будем тебя любить!

Тут я как закричу:

— Вы что же это, пастуха у нас переманивать, а? Не совестно вам? Дядя Леша наш, равенский! К вам он не переметнется! Ты, дядя Леша, их не слушай, у нас паси!

— Это кто же там такой бойкий? — засмеялись кильковские хозяйки.

— Антошка, Пелагеи внучок.

— Не видать вам нашего пастуха! — кричу. — Вот кликну сейчас мужиков, они вам покажут!..

— А у вас мужиков-то раз-два и обчелся! — это мать Шурки Шарова кричит. — А ты еще не дорос, чтобы нам указывать! Ишь он, худой элемент!

А тут и наши равенские хозяйки подоспели. Что тут у них началось!

Дядя Леша покачал головой, усмехнулся и пошел к деревне.

Любу сманивают, теперь дядю Лешу сманивают, куда ж это годится? Эдак всю деревню по перышку растаскают!

Мы и с Фомушкой в этот день не играли. Я все слепней ловил и от досады за реку, в Кильково их насылал.

Вечером мы еще одну штуку придумали

Вечером мы еще одну штуку придумали. Вот нырнул Коля Семихин с нашего берега, а вынырнул почти у кильковского. И была у Коли веревка в руках.

Привязал он веревку к лодке Шурки Шарова, а тут как раз по кильковскому прогону Шурка, бригадирский сынок, идет. А с ним Тришка, у него руки все в бородавках. А с ними Надька, Шуркина сестра. А с нею Ленка-дачница, я таких зануд еще не видел.

Пришли они на берег, удочки разматывают, в нашу сторону даже не смотрят, будто нас на реке и нет. А мы-то ведь здесь: Санька с Ванькой рыбу ловят, Федяра пиявок дразнит, а у Коли веревка в руках. Даже Куварин здесь сидит, улиток из раковин выковыривает.

Надька вошла в лодку, а за нею и Ленка, дура-дурой, хочется ей на нас посмотреть, а она не глядит.

Шурка стоит на берегу, в лодку не входит. Ну, что же ты, думаю, Шура, входи, входи!

— Вы, мальчики, с берега пока половите, — говорит Надька, — а мы в заводь сплаваем.

Кувшинок, значит, захотели нарвать.

Наконец и Шурка голос подал:

— Ну, что, равки, клюет?

— Пока нет, — отвечаю, — но, может, еще и клюнет.

— Да они никак на веревку ловят!.. — крикнул Тришка. — Равки-то совсем помешались, на веревку шуку хотят поймать!

— Шуку не шуку, — говорю, — а какая-нибудь килька, может, и клюнет.

Коля от смеха давится. Лодка-то ведь их привязана, а конец веревки у Коли в руках!

Надька тем временем вывела лодку в тростники. Коля знай себе веревку отпускает. Это я такую большую веревку принес.

Ленка с Надькой уселись вместе на корме и вдруг как затынут:

Как в одном небольшом городке-е
Колумбина с семьею жила-а...

Это ж надо такую молитву выдумать! Неужто в Кильково других песен нет?

Мы иначе поем. Коля Семихин у нас очень хорошо песни запекает. Я его подтолкнул: давай, мол, Коля. И мы как заорем:

Каменный век — эгей!
Пещера среди гор!
И человек — эгей!
Несет в руке топор!

«Эгей» — это припев такой, он у Федяры лучше всех получается. Прямо непонятно, такой маленький, а голосина у него истошный, даже в ушах звенит. Этой песне нас брат Паша научил, когда в отпуск весной приезжал. Веселая песня! Когда ее поешь, нужно руками и ногами всякие кренделя выделывать.

Э-э-ей, мама Ева!
Э-э-ей, папа Адам!
Э-э-ей, маму съели!
Э-э-ей, папу не дам!

Шурка с Тришкой на нас уставились и хохочут, а Надька с Ленкой, что ты скажешь, ноль внимания, знай свою молитву тянут, распевая про Колумбину. Слушать тошно!

Шурка кричит:

— Эй вы, рыбаки в кавычках, давайте еще! Я говорю:

— Сами-то вы в скобках!..

Шурка подумал и говорит:

— А вы с вопросительным знаком!..

— А вы кильки! — кричу. — Эй, кильки, килечки! Вас самих надо ловить и в банке мариновать!

Потянули мы веревку, лодка сначала пошла тяжело, девчонки ничего даже и не заметили. Но потом лодка стала все быстрее от тростников отдаляться, Надька тут и крикнула:

— Ой, а куда ж это мы плывем?..

— Ага-а! — закричали мы. — Попались!..

И давай изо всех сил тянуть веревку.

А Надька вскочила в лодке и орет:

— Отпустите!.. Слышите, отпустите!

— Вы чего там? — кричит Шурка.

— Клюет рыбка, клюет!

— Дураки!.. Отпустите сейчас же, чего мы вам сделали?..

Шурка вопит на берегу:

— Надька, развязывай веревку, чего орешь!

— Кильки, какие крупные кильки! — кричим мы. — Тянем-потянем! Тянем-потянем!.. Эге-е!.. Ого-го-о!..

Лодка уже совсем к нашему берегу приблизилась. И тут Надька с Ленкой сели тихонько на корме и стали реветь.

А я, честно скажу, не могу терпеть, когда режут девчонки. Крикнул я нашим ребятам:

— Погодите тянуть!.. Да ну их!..

Вынул я перочинный нож, зажал его зубами и к лодке поплыл. Девчонки как увидели в зубах у меня нож, так и замерли. Надька-то реветь совсем перестала, а Ленка как завизжит:

— Ай, ай, ай! Режу-ут!..

Ну, думаю, пока доплыву до лодки, ты криком всю деревню соберешь. Пропадай моя веревка! И разрезал ее чуть ли не посередине.

Девчонки увидели это, успокоились. Надька стала к берегу грести, а Ленка кричит:

— Вот дураки, думают, мы их испугались! Я нарочно визжала!

Надька говорит:

— Пусть бы только вытянули, я бы этому Антошке-картошке все глаза выцарапала.

И запели, как ни в чем не бывало, только громче прежнего:

Так погибли они, оба друга-а,
Знать судьба их такая была-а...

Ну не зануды ли? Вережка-то теперь пропала. И рубаху свою я только зря измочил.

У меня бабушка в Кильково живет

У меня бабушка в Кильково живет. Бабушка у меня не то чтобы очень старая, но и не молодая. Она уже пять лет на пенсии. Приду я к ней, она и говорит:

— Ну, Антон Иванович, давай чай пить.

А я и не возражаю. Самовар у бабушки к моему приходу всегда готовый, она каждое воскресенье меня ждет.

Я сажусь на лавку под самым окошком.

— Давай, — говорит, — Антон Иванович, чай пить...

Бабушка любит все по многу раз повторять.

— Давай, сударик ты мой, чай пить, — в третий раз говорит бабушка.

А когда уж вынет она яйца из самовара и нальет нам по чашке чая, когда я уж полкуска булки с вареньем съем, бабушка вздохнет и все равно скажет:

— Давай, Антон Иванович, чай пить...

Ну и что? У людей и похуже привычки бывают. Вон, Федяра, он ногти грызет. А бабушке, может, весь день не с кем поразговаривать. Бабушка ведь одна.

Я у нее спрашиваю:

— Тебя тут не обижают, бабушка?

— А кому, — говорит, — меня обижать?..

— Как же! Шурка с Тришкой, часом, не балуют? Фонариком в глаза ночью не светят? Под окнами псами не лают?

— Да по-олно тебе, чего им лаять, — отвечает бабушка, — чай, они люди, а не Полканы...

А я говорю:

— Будто ты не знаешь, какие они злыдни, ваши кильковские, и-эх! А ты мне скажи, чуть обидят, я им вмиг хвосты позакручиваю!

— Да будет тебе, Антон Иванович, больно ты грозен, — отвечает бабушка. — Не тронь их, помилуй, они ребята нехудые, редко когда примутся баловать.

— То-то, — говорю, — ты не бойся. Чуть чего, ты на речку выйди и меня поклещи.

— Чего мне бояться, — говорит бабушка. — За таким заступником мне бояться нечего.

У бабушки с огорода калитка к реке есть. Она ее тряпкой завязывала, а я проволоку нацепил. Вообще я ей много полезных вещей сделал, например, вертушку на огород — кротов распугивать, потом лесенку, чтобы ей на печь лазить, починил. Можно бы и дальше перечислять, но тогда выйдет, что я хвастаюсь.

— За таким заступником, — говорит бабушка, — мне жить да жить.

Вот пошел я к бабушке в воскресенье

Вот пошел я к бабушке в воскресенье. В Кильково-то я не стал входить, а поймой, камышами пробрался, да только в камышах будто тоже кильковские сидят, за мной наблюдают. Я по камышам из дробовика — хлобысь! Они врассыпную! Ага-а, побежали!.. Я ползком ползу, ужом извиваюсь, а тут мне засада — трое сидят за кустом. Что ты будешь делать! Я — бегом! Отхожу, отстреливаюсь. Вбежал в бабушкин огород, а за мной погоня. Крикнул я: «Равенские не сдаются!» И — к бабушке на двор. А на дворе-то меня уже четверо поджидают и — в рукопашную, бей не жалей. Летят все вверх тормашками, только ведра громяют! Я — в избу!

Бабушка спрашивает:

— Ты чего этаким супостатом пришел?

— Насилу, — отвечаю, — отбился.

— От кого? — спрашивает бабушка.

— От ваших, кильковских.

— Да их же никого нет в деревне, Антон Иванович.

— Как нет? А где же они?..

— А вот нынче тут мимо меня проходили. Слышала, на полные сутки в лес ушли.

— Это как же... В поход, значит?..

— А я этих дел, сударик, не понимаю, — говорит бабушка. — Может, и в поход. Котелок, видела, картошку варить, несли. Еще кое-какую амуницию... Да ты взмокший весь, сядь отдохни. Поешь вареньица.

Варенья-то с лепешками я поел, а чай пить отказался, какой уж тут чай. Я спросил.

— А в какой же лес они ушли, бабушка?

— Кто их ведает, не могу я тебе сказать.

Ну, думаю, ладно, отыщем мы вас, килечки, отыщем. Видно, не далеко вы ушли.

Прибежал я в Равенку

Прибежал я в Равенку, а ребята по деревне скачут, конников изображают: эх! эх!

Я кричу:

— Игры играете, а кильковских-то проворонили! Кильковские-то в поход ушли! А ну, кто со мной в погоню?

Все закричали:

— Мы! Мы!

И запрыгали от нетерпения, плетками замали, вот молодцы-кавалеристы!

Выехали мы на дорогу. Скачем рысью, пыль столбом! Федяра все норовит меня обогнать.

Крикнул я на него:

— Куда вперед командира! А ну назад!

Санька с Ванькой скоро притомились. А тут как раз и горох. По правой руке поле зеленеет.

Спешились мы, коней в кусты поставили, нехорошо гороховое поле топтать. Горох-то на поле еще молодой, сладкий, горошин нет почти, а стручки сочные, жевать вкусно.

Наелись мы гороха, сколько хотели, полные карманы напихали, только вышли на дорогу, смотрим, навстречу нам мотоцикл тарахтит. Мало ли машин по дороге ездит. Мы думали, что проедет мотоцикл, а он остановился. На нем председатель колхоза сидит. Подманивает нас пальцем:

— Подите-ка сюда. Вы кто такие?

— Мы равенские, — говорю.

— Что-то я вас никогда не видел, для равенских, вроде бы, крупноваты.

Я говорю:

— Да равенские мы, факт, равенские! Мы подросли!

— Тогда, — говорит, — другое дело. Горох ели?

Я говорю:

— Ели...

— Значит, с таких-то лет расхищаете колхозное добро? Ай-яй-яй!

— Мы и не расхищали, — говорю, — мы только попробовали.

— Вот-вот, попробовали... А еще неизвестно, вырастете, так будете ли колхозу пользу приносить.

Я говорю:

— Будем, будем!

— Знаю я вас, — говорит председатель, — гороху нашего наедитесь, а после драпака в город!..

Коля Семихин совсем губы распустил, в сторону смотрит:

— Да не...

Я кричу:

— Нет, дяденька председатель, нет!..

— Ну, ешьте тогда, — говорит он, — тогда ешьте. Бобовая культура очень питательная для организма, в ней крахмал, белки... Ешьте, чтоб хорошие из вас мужики вышли. А кукуруза поспеет, то и кукурузу ешьте. Но из деревни — ни-ни! Поняли?

— Поняли...

И председатель на своем мотоцикле дальше запыхал.

А мы пошли к лесу. На коней садиться не стали, пешком пошли.

— Видали? — говорю. — Вот как дело обораживается!

Федяра опять вперед меня забегает:

— Ага! И горох, и кукурузу есть разрешил! Да разве я про это?

Я говорю:

— Федяра, я вовсе не про горох, а про то, что вот мы какие председателю нужные! Оставайтесь, говорит, не уезжайте. Да разве я куда-нибудь уеду? всю жизнь буду жить в нашей Равенке! До гроба!

— И я буду в Равенке всю жизнь! — сказал Коля Семихин. — До гробовой доски!

— А я до березки! — крикнул Федяра.

Я спросил у Саньки с Ванькой:

— Ну, а вы?

— Мы и так никуда не уедем, — сказал Санька.

— Мы и так никуда не уедем, — повторил Ванька. Они всегда все говорят вместе.

— Мы будем пастухами, — сказал Санька.

А Ванька сказал:

— Мы будем коров пасти.

— А я, когда вырасту, стану трактористом! — сказал Коля Семихин. — Буду прицеп возить, вжи, вж-жи!..

— А я, — крикнул Федяра, — не угадаете, кем я буду!

— Ну, кем?

— Кем, Федяра, скажи!

— Я буду рыбнадзором на нашей реке! Буду рыбу у браконьеров отбирать и жарить!

— Ну, как хочешь, — сказал я. Мне Федярина мечта не понравилась. — У меня план другой.

— Киномехаником? — спросил Федяра.
— Нет, не киномехаником.
— Ну, шофером, значит.
— Нет, и не шофером. Сказать кем? Я буду над вами председателем.
— Во куда махнул!..
— А что, — говорит Коля Семихин. — Давай двигай, Антон, в председатели. Мы тебя на собрании выберем.

А я в самом деле председателем колхоза стать решил. Я бы им в Равенке восьмилетнюю школу открыл.

Я говорю:
— Я вам восьмилетнюю школу в Равенке открою, никуда бегать не придется.

Федяра говорит:
— У нас избы подходящей нету.
— Это ничего. Построим. Найдем плотников, которые поменьше дерут, да чтоб не очень вино пили, и построим.

— Так ты нам и клуб, Антошка! — говорит Коля Семихин.

— А клуб, — отвечаю, — мы из Кильково перевезем. Хватит, попользовались. Разберем и на новом месте поставим, напротив Федярино-го дому. И сельсовет, и контору перевезем. А магазин пускай у них остается, мы себе новый построим, вроде универмага.

— Видал, как чешет! — кричит Коля. — Значит, у нас в Равенке будет центр?

— Центр. А как же.
— А в Кильково?
— А кильки пускай как хотят. Я не у них председатель, а у вас.

Свернули мы с боевой дороги на проселок. Оглянулся я, а солнце уже над Равенкой зависло, скоро за скотный двор опускаться начнет.

Я говорю:
— Ну, вот, Федяра, ты все время меня обогнать норовил, давай дуй в разведку.

— И я хочу в разведку, — сказал Санька.

— И я хочу в разведку! — сказал Ванька.

Коля Семихин говорит:

— Пожалуй, я тоже с ними пойду вперед.

— Что же, — говорю, — я один останусь? Пошли уж все вместе в разведку. Только чтобы с маскировкой, по всем правилам. Сигналы подавать только птичьими голосами.

Покрались мы с Колей вдоль одной стороны дороги, а они вдоль другой. Так мы и в рощу вошли.

Роща у нас хорошая, чистая

Роща у нас хорошая, чистая, тут каждое дерево другому расти не мешает и само хорошо растет. Подлеска нет вовсе, видно далеко. Кустарник у нас не какой-нибудь заваливающий, а полезный — можжуха или орех.

Вот идем мы с Колей Семихиным в разведку, солнышко из-за наших спин светит, осины освещает. Как же мы не догадались раньше

кильковских пойти в поход, в лесу-то как хорошо! Уж мы пойдем, мы в такое место найдем, что они ввек не отыщут нашу стоянку. Вот только бы нам их найти.

Я у Коли спрашиваю:

— Что же мы с кильковскими сделаем, когда их найдем?

— Отлупить надо бы, — отвечает Коля.

— Так их, может, много. А ну как с ними Сенька Морозов? Разве справишься?

— Тогда напугаем!

Я остановился и крикнул:

— Ку-ку!..

Это сигнал такой, мы с Федярой условились. Коля Семихин тоже кричит:

— Ку-ку!

А от них ни ответа, ни привета. Может, чего заметили? Как же тут быть?

Вдруг впереди сразу три кукушки закуковали:

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Кукуют и остановиться никак не могут, какая же это маскировка! Тут всякий поймет.

Мы с Колей к ним побежали, а они на нашей стороне стоят и все кричат кукушками. Я им замахал, Федяра-то понял, остановился, а Санька все свое:

— Ку-ку! Ку-ку!

А если уж Санька, то без Ваньки тут никак не обойдется.

Я кричу им:

— Вы всю маскировку раскрыли!

А Ванька:

— Ку-ку!

Махнул я рукой и говорю им:

— Идите подле нас и чтобы никаких кукуваний! Лучше воздух нюхайте, может, дымом потянет.

Принюхались мы, а в лесу воздух крепкий, травами пахнет.

Вдруг Ванька говорит:

— Ой, матушки!..

Я говорю:

— Что? Что?

— Кто-то фырчит! — говорит Ванька.

Спрятались мы в орешнике возле дороги, слушаем. И различаю я за кустами какой-то скрип... А потом шорох долгий... А потом тяжелое топанье... А тут и правда как фыркнет!

— Э-э, — говорит Коля, — да это лошадь фырчит.

И я сразу догадался, что это лошадь едет. А при ней, значит, телега.

Федяра шепчет:

— Что это за телега такая?.. Давайте за ней следить.

Я говорю:

— Что за ней следить-то, видишь, люди сено везут.

Но тут потемнело, зашуршало, заскрипело, это сено мимо нашего куста проехало, клок сеной на кусту повис.

Только я смотрю: чья ж это голова с возу торчит такая знакомая? Да это ж Куварин! А впереди отец его лошадью правит.

Вышли мы на дорогу.

Я говорю:

— Эй, Куварин, кильковских не видел?

Он помолчал, потом отвечает:

— А чего мне их видеть, я их и видеть не хочу. Вот потому и не видел.

Я говорю:

— Слазь, Куварин, пойдем с нами, где-то они здесь прячутся, костер жгут.

— Не, — отвечает Куварин, — не слезу. Сеной домой повезу.

Проехал воз, простукал, лес опять замолчал.

Скоро и мы за свежим сеном поедем. Вот выделят нам покос, тогда и брат Паша приедет из города помогать.

Мы по роще долго ходили

Мы по роще долго ходили — и слушали, и воздух нюхали, и на дуб высокий взбирались. Только никаких кильковских мы не встретили. А уж и сумерки начались.

В лесу сумерки ранние, быстрые, так в глазах все и мелькает. Ну, думаю, кильковских мы не нашли, так надо хоть по венуку наломать, чтобы обратно не идти с пустыми руками.

Наломали мы по венуку, только Федяра не стал ломать. Я говорю:

— Федяра, ты почему венуку не ломаешь?

— А зачем, — говорит, — я буду его ломать? Может, меня этим венуком мама и вздует.

Но тут вдруг все кругом посветлело, роща

кончилась, и между последними деревьями мы увидели большое голубое поле.

Санька с Ванькой закричали:

— Лен! Лен!

Известно, что лен.

— А вот и Березницы, — сказал Коля Семихин.

Это деревня такая, она за полем, в низине лежит. А отсюда только крыши виднеются. Я там Андрюху знаю, потом Ленку Лысого и других.

Я говорю:

— Кильковских профукали, давайте хоть на березницких-то нападём...

Подползли мы тихонько к деревне и устроили наблюдение.

В деревне у них все не по-нашему

В деревне у них все не по-нашему: посреди улицы какой-то амбар стоит, а у нас улица чистая, трава да ветлы. А комар-то какой у них ядовитый, ба-атюшки, какой-то мохнатый у них комар, злой! И реки, само собой, у них не имеется. У них и земля похуже нашей будет, одно слово — лесная сторона. Эх, думаю, как же вы тут живете? Не пробовали вы нашего житья, вот и думаете, что здесь лучше всего жить, а лучше-то всего у нас в Равенке. У нас ведь река, простор!

Смотрю, Андрюха, Ленка и другие ребята стоят под березой и шапками в нее зачем-то кидаются. Вроде, селятся что-то достать.

Вышли мы из засады.

— Ах, — говорю, — да это ж они майских жуков ловят!

Мы тоже майских жуков любим ловить, только сейчас они называются июньские, потому что уже июнь.

У нас в Равенке самые хорошие жуки, как майские, так и июньские.

Я говорю:

— Вы чего шапками-то их ловите, так ловить не мудрено, а ну-ка вы с лету!

Я веником махнул и летящего жука — трах! Поднял его, а жук небольшой. Я говорю:

— Небольшой жук-то у вас. А есть ли у вас пилоты?

— Пилоты-то есть, — отвечает Андрюха, — да ниток больше никто не дает.

— Ну, конечно, — говорю, — без ниток какие ж пилоты...

А пилоты летают с нитками. Иной пилот так высоко летит, что полкатушки ниток разматывает, во как летит! Мы с кильковскими соревновались, самые выносливые пилоты у нас. Наши пилоты к ним через речку летают, а их — к нам не летят.

Половили мы с березницкими ребятами жуков, а тут и стадо пошло. Когда стадо идет, жуков ловить лучше не стоит. Мы один раз не заметили, как в деревню вошло стадо, и все ловили жуков. Что тут было! Две телки запрыгали, бараны обратно метнулись, бычок Фомушка заревел. Все стадо перепугалось и умчалось к реке. Нам от дяди Леши тогда попало.

Андрюха говорит:

— Половите еще с нами.

Я говорю:

— Нет, мы пойдем.

Распрощались мы с березницкими и пошли домой по большой дороге.

Зажглись огни уже в нашей Равенке

Зажглись огни уже в нашей Равенке, В Кильково в эту пору тоже огни горят. Самый яркий фонарь у них у магазина, его всю ночь не выключают.

Земля вся в темноте, крыши темные, кусты на реке темные, а небо над нашей деревней еще голубое. Река между кустами поблескивает, а на реке лягушки кричат.

Только смотрю я, что же это за белый дымок там вдали из береговых ракич поднимается?.. Стойте, стойте, думаю... Вот так та-ак!

Коля Семихин тоже тот дымок заметил.

— Вот те номер, — говорит. — Да это ж они!

— Ага-а, вот вы где, килечки... — шепчет Федяра.

Я говорю:

— Значит, побоялись они уходить далеко от дома, решили на бережке устроиться...

Побежали мы берегом, впереди я, сзади Коля Семихин, а за нами все наши ребята, слышно мне, как они там за спиной у меня пыхтят.

Подкрались к кустам, слушаем. Сидят, голубчики, костер у них тлеет, видно, картошку

пекут. Разговор у них тихий идет. Я себе думаю: ах вы! Нашупал в траве деревяшку, из-за куста высунулся и — швырк! Искры из костра вверх ударили, разговор сразу же и затих. Ага, боитесь, думаю, только первым никто свою трусость показать не решается. Тут Коля Семихин консервную банку запустил.

Они вскочили, и чей-то голос, вроде Шуркиного, спросил:

— Эй, кто там кидается, ты, Ломтик?

А другой ответил:

— Ломтик уже спать лег.

— Ну, Куканов, значит...

Какой еще, думаю, тебе Куканов. И метнул я по ним веник.

А тот же голос сказал:

— Вот паразит!..

Тут и Федяра что-то бросил, и Санька с Ванькой, от костра аж искры летят. А девчонка какая-то, наверное, Надька, говорит:

— Какой бессовестный!

Вдруг слышу, рядом запыхтело что-то, и Федярин плаксивый голос крикнул:

— Ну, чего ты!.. Отцепись!
Бросился я туда, навалился сразу на двоих и тут уж кричу во всю мочь:

— Бей их, круши!.. Колька! Налетай!..

Только меня сразу же оттолкнули, в кусты откинули и сверху прижали. Слышу — голоса кругом, орут. Много голосов! Да вдруг какой-то женский, сердитый:

— Что тут за переполох?

— А мы сами не знаем, Полина Марковна, на нас тут какие-то придурки напали!..

— Палками кидались!

— И вениками!

— Мы думали, это Куканов...

— Опять Куканов!.. Все на Куканова, а я в палатке спал.

— Вот мы тут одного держим, — сказали надо мной. — Вырывается, какой-то бесноватый!..

— И мы двоих поймали!..

Ну, думаю, плохо дело, ошибка вышла. Какие-то городские туристы, теперь греха не оберешься.

Подняли меня на ноги, подвели к костру. Гляжу, а тут уже и Колька стоит. И Саньку кто-то за руку держит. Разгромили весь наш наличный состав. А кругом-то все чужие, ни одной знакомой рожи нет. Уж пусть бы лучше Сенька Морозов...

Санька кричит:

— Ванька, ты где?..

А из-за кустов Ванькин голос:

— Здесь я!.. Я свободный!..

— Выходи сюда, — говорит Санька, — вместе ответ держать будем!..

Тут и Ванька подошел, встал рядом с братом. Только одного Федяры нет, вырвался таки.

Окружили нас, подбросили хворосту в костер, чтобы виднее им было, значит, нас допрашивать. Один лопухий и говорит:

— Вы что, ненормальные, да? Вы почему кидались?

Я говорю:

— Мы килек искали. Мы и не знали, что вы здесь.

— Кого они искали? — спрашивает девчонка с челкой.

Тот, которого назвали Кукановым, говорит:

— Дать им банок, да и все.

Я говорю:

— Килек мы искали, кильковских! Шурка у них есть Шаров, потом Тришка... Из деревни Кильково, вон там за мостом!..

— А сами-то вы откуда?

— Мы из Равенки.

— Что это за Равенка? У нас на карте такой нет.

— Равенки-то нет? — удивился я. — Что ж это у вас за карта?

— Нормальная. Государственная. А вот вы почему кидались? Ведь вы в голову кому-нибудь могли попасть.

Куканов говорит:

— Дать им банок, да и все.

Я возмутился:

— В голову? Да мы в голову и не метились! Колька, правда мы не метились в голову?

Колька говорит:

— Я в костер кидал!

Я говорю:

— Да если даже попадешь по голове веником, это что, больно? Больно, да?..

Колька кричит:

— Что, нельзя обознаться, да? Ведь уже темно!

Я кричу:

— А вы руки сразу крутить! Ведь вас вон

сколько, а нас только четверо, да один убежал!..

Чувствую я, как растет во мне возмущение.

— Еще надо проверить, — кричу, — что это вы у нас тут на берегу разлеглись на ночь! Есть у вас на то разрешение или нет? А ну документы!

Это я вспомнил, как брат Паша у одних туристов, которые зашли в Равенку, тоже документы проверял.

— Ишь вы какие проверяльщики! — закричал лопухий. — Думаете, если вы местные, то это ваша река!

А Куканов говорит:

— Дать им банок, да и все!

Тут и тетка вмешалась.

— Вы, мальчики, неправильно поступили. И напрасно вы так агрессивно настроены...

Что-то она еще говорила. Вдруг на реке раздался истошный крик:

— Тону-у!..

Я сразу догадался, что это Федяра, он один может так кричать. Только неуж он взаправду тонет?..

Бросились мы к реке. Прибежали, я кричу:

— Федяра, ты, что ли?..

А Федяра с того берега спокойненько отвечает:

— Конечно, я. А вы чего же не убежали? Я нарочно панику устроил, чтобы вам убежать.

Тут все закричали:

— Ах вот что!.. Какие бессовестные! Это ж надо так напугать. Да с вами после этого знаете что надо сделать?..

Тут мы и припустили! Сначала я, за мной Коля, а сзади Санька с Ванькой. А по другому берегу Федяра.

Погнался было за нами Куканов, но Полина Марковна ему закричала:

— Куканов, вернись сейчас же!

Вот так мы и спаслись.

Выскочили мы на дорогу

Выскочили мы на дорогу, с Федярой соединились, только хотели домой двигать, вдруг слышим, кто-то нам навстречу шагает и песню поет. А это идет Люба в белом сарафане. Как увидела нас, так и замолчала. И говорит с презрением:

— Ишь, идут бандиты с большой дороги... Это кто мне напустил муравьев? В лечебное-то учреждение!..

Мы стоим, головы потупили. Потому что ведь это мы!

— А я, беспонятная, сколько витамина им скормила, а они вон что!

И пошла Люба в белом сарафане, на нас даже не оглянулась. Свернула на кильковскую дорогу.

Мы постояли, поглядели ей вслед. Я Федяре говорю:

— Вон чего наделал.

А Федяра отвечает:

— Ничего, одумается еще.

Тут я понял, что Люба-то пошла в кино. Я и говорю:

— Давайте, пока кильковских нет, в кино сходим.

Федяра говорит:

— И за Любой будем следить!

И мы повернули в Кильково.

Сразу видно, что кильковские в лес ушли

Сразу видно, что кильковские в лес ушли — народу возле клуба толчется немало, а сутолоки никакой. Все ждут, когда киномеханик Слава начнет впускать.

Раньше-то мы проходили в кино с Любой, Слава с нас никаких денег не спрашивал. А те-

перь как пройдешь? Что-то придумывать надо. Я говорю Федяре:

— Давай, Федяра, что-то придумывать надо.

И он убежал. А мы тем временем за Любой присматривали.

Сидит Люба на лавке под вязом с кильковскими девушками, посмеивается, а напротив них трактористы стоят, курят, Сенька Морозов у них на побегушках, окурки собирает и все еще за иностранца себя выдает. Девчонки кильковские в догонялки между взрослыми бегают, а возле крыльца Куварин стоит, держит наготове десять копеек.

Я говорю:

— Куварин, никак лучшее место себе занять хочешь?

А он отвечает:

— А чего ж мне не хотеть? Я первым пришел. Вот потому и хочу.

Но вот Слава встал у двери и начал всем продавать билеты. Куварин прошел первым. Прошли и девушки, и трактористы двинулись вслед за ними, а Федяры все нет.

Прошла Люба, а на нас даже не оглянулась. Вот и остались мы одни у порога. Слава спрашивает:

— Ну, все?

Я говорю:

— Все, да вот мы еще...

— А вам, — говорит Слава, — к чему это? Картина про любовь, так что вам это без пользы дела.

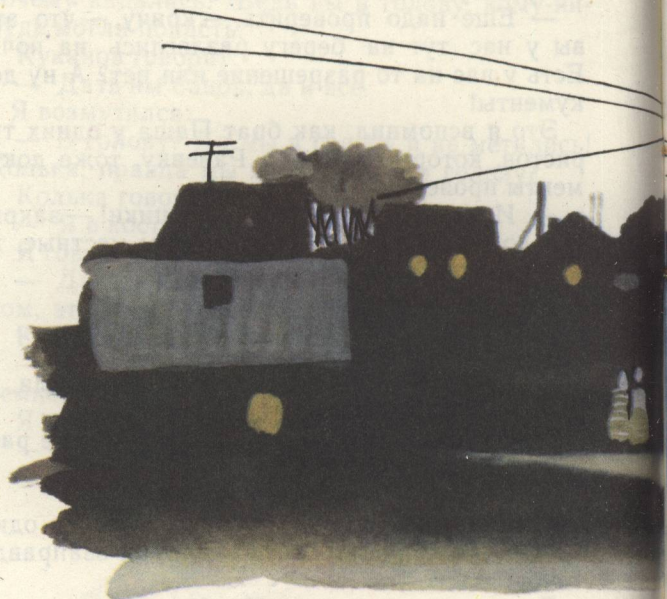
Коля говорит:

— Слава, пропусти!..

— А свистеть не будете при демонстрации?

Я говорю:

— Это кильковские всегда свистят, мы не будем!

— А ну карманы выворачивай!.. Жуков нет?

Я говорю:

— Нет жуков, какие жуки, мы всех отпустили...

— А кто скамейки всегда раскачивает? Я уже три раза ремонтировал инвентарь.

— Мы инвентарь не раскачиваем! — кричит Коля. — Мы всегда сидим на полу!

— Ну, подите, — говорит Слава. — Да садитесь культурно, на скамейку, зачем же на полу.

И мы вошли.

Куварин сидел на первом ряду

Куварин сидел на первом ряду, а между скамейками, на полу прятался Федяра.

Он сказал:

— Я ведь на задней двери крючок откинул, чего же вы не шли?

Я говорю:

— Надо было сигнал дать, откуда мы знали.

— Я Куварина прошу-прошу, — говорит Федяра, — а он не идет.

Я сказал Куварину:

— Куварин, ты чего же не идешь нам сигнал давать, ведь тебе безопасно, ты по билету.

— А бывает, что туда выйдешь, — ответил

Куварин, — а обратно не войдешь.

Я говорю:

— Эх ты, Куварин! Как дам сейчас!..

А с задних рядов кричат:

— Ну, вы там, тише!..

Глянул я на экран, а картина-то уже идет.

Стали мы смотреть картину. Там один парень на грузовой машине все ездил. Комнату в городе получил, каких-то женатых поселил, а сам уехал. Я Куварину все равно тычка дал. Но тут кончилась часть.

Коля говорит:

— Мы сегодня целый день голодом. А ты, Куварин, небось поел? Молока попил?

— А чего ж мне не поесть? — отвечает Куварин. — Я как из лесу с сеном приехал, так и поел.

Затрещал опять аппарат, быстро Слава части меняет.

Вот сидит парень на большом ковре среди иноплеменного народу. Как он туда попал — не могу понять. Сидит, вино выпивает и курицей закусывает.

Вдруг Федяра шепчет:

— А давайте Куварина-то кувырнем!..

Посмотрел я, Куварин сидит такой блаженный. И сразу мне захотелось его кувырнуть. Взялись мы за ножки, как нажали — Куварин и грохнулся на пол. А скамейка на него.

— Чего вы! — в полный голос говорит Куварин. — Я вам мешаю, да?

А сзади кричат:

— Эй, мартышки, уйметесь ли вы!

Но тут опять кончилась часть. Куварин не захотел больше рисковать и сел рядом с нами на пол.

Коля зевнул и говорит:

— Что-то уж больно тяготно, и есть хочется.

Я говорю:

— Ладно уж, досмотрим, потерпи.

Потом у него оказалась любовь, это уже в другом городе. Только они вздумали поцеловаться, а сзади кто-то как чмокнет! Я тоже так умею чмокать, это нужно в кулак. И тут мы закричали: «Э-э-эй!..» Вдруг кто-то свистнул и крикнул басом:

— Легче на повор-ротах!..

И все замолчали. А она говорит: нет-нет, я замужем за другим.

Но тут опять кончилась часть.

Вот приехал муж, он моряком плавал, а у нее другой сидит.

В это время кто-то жуков выпустил.

Я говорю:

— Федяра, ты, что ли?

А он шепчет:

— Ага!.. Я березницких десять штук в коробку напихал.

И как они у него там, десять штук, поместились?

Садись, — это муж говорит, — гостем будешь. Сзади кто-то кричит:

— Эй, кончайте жуков пускать!

Летают жуки, носятся в светлом луче прямо над самыми головами, и на экране мелькают большие черные тени от жуков.

Стали оба друг на друга молча смотреть, вдруг одна девка как закричит:

— Ай, ай, ай!..

Руками она замахала, жук у нее, значит, в прическе запутался, вскочила она, и тень ее тоже прыгнула на экран, лохматая такая, руками машет, а те всё молчат и смотрят.

Кто-то как засвистит, кто-то как крикнет:

— Ну, гады, дайте картину посмотреть!

Тут и другие девки завизжали, замахали руками, а жуки носятся, как угорелые, стучаются об экран.

Вдруг один жук залетел прямо в будку кино-механика. Аппарат и потух. Слава лампу зажег и вошел в зал.

— Ну, граждане, так больше демонстрировать невозможно. На таком-то месте, ай-яй-яй!

— Это там у пацанов жуки, выставить их! — закричал Сенька Морозов и уже к нам двинулся.

— Ничего подобного! — сказал Слава. — Я у них перед началом карманы проверял. Это кто-то из взрослых забавляется.

Пока Слава говорил, трактористы всех наших жуков переловили.

— Все! — кричат. — Амба! Славка, начинай! Все уселись, и картина началась снова.

Только я смотрю, а Санька-то с Ванькой на полу спят. Привалились друг к дружке и носами выводят. Хотел Федяра им бумажками ноздри позатыкать, а я говорю:

— Не тронь ты их, не тронь!.. Уморились люди, пусть отдыхают.

А тут скоро и кино кончилось, парень снова уехал.

Мне эта картина не понравилась. Я люблю про войну смотреть.

Пять кукушек на рассвете

Пять кукушек на рассвете за рекой перекликались, не меньше. Вся река в тумане стояла, а на лугу кто-то косы яркие точил.

Кто пескарей хочет ловить

Кто пескарей хочет ловить, у нас может поучиться. Мы в песке канавку прорываем, в нее вода из реки заходит, а с нею и пескари, они ведь любят по песчаным отмелям гулять, оттого рыба и зовется пескарь. А в конце канавки у нас бутылка установлена — в горлышке пробка, а дна нет. Отбито дно камнем начисто, для безопасности сточено, в том-то вся и штука, что дна нет.

Побежим мы по канавке вслед за пескарями, а они — в бутылку! А куда ж еще, больше-то им деваться некуда, а тут и надо закрывать бутылку рукой. Вот как надо пескарей ловить.

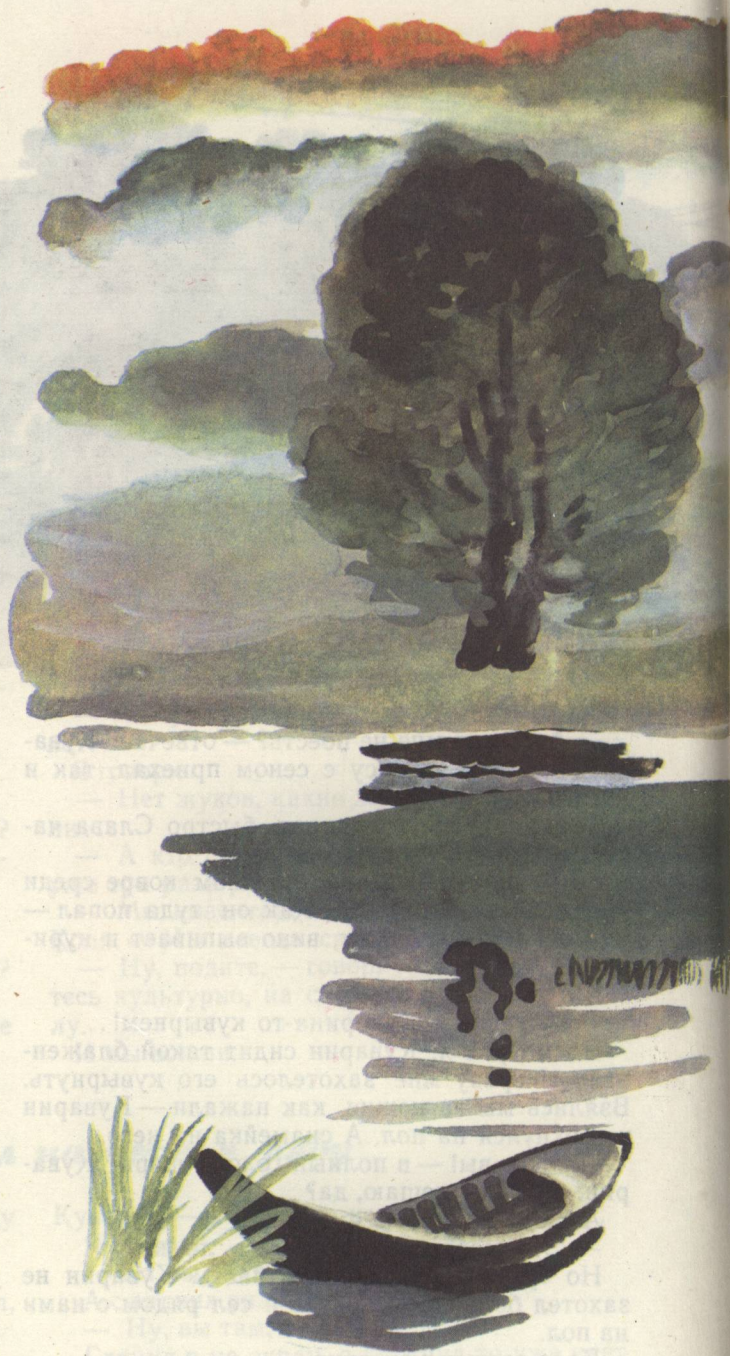
Вот ловим мы пескарей, уже у нас их скоро поллитровая банка будет, вдруг по кильковскому прогону Шурка и Тришка бегут.

— Эй, равки! — кричат.

Я шепчу своим:

— Молчите!..

И мы молчим. Будем мы еще с вами разговаривать, кильки несчастные, сколько мы из-за

вас вчера километров наколесили да еще людей невиноватых в испуг ввели.

Загоняем пескарей, а Шурка снова:

— Эй, равенские! Антошка! Колька! Оглохли, что ли?

— От глухого слышу! — кричит Колька. — У тебя и дед глухой.

Тришка говорит:

— У него дед глухой, а ты щербатый!
— А у тебя руки в бородавках!
Ах ты, Колька снова не выдержал.
— Молчите вы, ребята, — говорю я. — Молчите! ..

Но куда уж там! Пошло-поехало.
— А у вас в деревне, — кричит Шурка, — два очкарика!

Это он про Саньку с Ванькой. А они очки только в школу носят. Тут и я не выдержал.

— Ты физических недостатков не касайся!
— А у Тришки что, не физические?
— У Тришки, может быть, и физические, а пусть жаб не трогает!

— А я жаб и не трогаю! — кричит Тришка.
— Он не трогает! Это у него от обмена веществ!

— Что это еще за обмен веществ? — кричу я Шурке.

— Обмена-то не знаешь? Что у тебя, чирий никогда не вскакивал?

— Чирий-то вскакивал, — говорю, — только это отношения не имеет.

— А вот имеет!
— Почему ты знаешь?
— Знаю! Нам Люба говорила!

Ах вот что, Люба им говорила, а нам, значит, нет. Тоска на меня напала.

А Шурка кричит:
— Мы пришли вас в клуб звать!

Звать они, видишь, нас пришли, какие вдруг вежливые. Мы их в амбулаторию не пустили, а они к нам с приглашением. Видать, мы им сильно понадобились.

Я кричу:
— А что у вас там?

А Шурка с Тришкой не отвечают.
— Эй, — говорю, — кильки, вас спрашивают!

А на том берегу молчат. Дразнят, значит. Отвернулись от нас и камешки в руках перебирают.

Очень мне любопытно стало, что же у них в клубе. Я кричу:

— Ну, как, будете отвечать?

Подождали мы еще немного, я и говорю:
— Коля, поди к Куварину за велосипедом, сгоняй в Кильково. У клуба так и так объявление висит.

— А вот и не висит! — говорит Шурка. — Это нам с Тришкой поручение в сельсовете дали ребят собрать.

— А что же не собираете?

— Мы-то собираем, да вы откликаться не хотите.

Я от возмущения даже в воду ступил.

— Вы не собираете, а людей оскорбляете, особенно ты, Тришка!

А Тришка тоже в воду ступил.

— Да?.. Я сам от вас оскорбление понес, будто я жаб трогаю! А я и не трогаю жаб! Я их боюсь!

— Ну и трус!

— Нет, не трус, а брезговаю!..

— Я и сам брезговаю!..

— Вот так!

— Вот и так!..

— Ну, ладно, — говорит Шурка и камешки свои в воду бросает. — Приходите, значит, в четыре. Пионерский лагерь из Красной Горы прибудет. Концерт поставят, в футбол хотят с нами сыграть.

— В футбол — это можно, — говорю.

— Ну вот. Так надо бы собрать нам с двух деревень сборную команду.

Я говорю:

— Ну, ладно, поглядим!.. Мы тут у себя в Равенке подумаем!..

— Думайте, думайте, — говорит Шурка, — только чтобы трусы справные были, не так, как у Саньки с Ванькой в прошлый раз.

Шурка с Тришкой к себе побежали.

А Санька тут покраснел.

— Я, — говорит, — и вовсе, может, не приду!..

— И я, может, вовсе не приду, — говорит Ванька.

Вот те раз! А это у нас в Равенке самые сильные полузащитники. Не то чтобы у них хорошая техника или там точный удар, нет, а просто они выручают друг друга сильно. Если противник, допустим, напал на Саньку, то Ванька тут как тут. Вертится, крутится, толкается, ну просто замечательно выручает. И наоборот.

Я им говорю:

— Вам что, не дорога честь деревни Равенка?

— Честь-то дорога, — отвечает Санька, — да трусов справных нет.

Я говорю:

— Так неужто из-за трусов пойдем на попятную?

— Не пойдем! — кричит Коля Семихин. — Не ходили и не пойдем на попятную! Это пусть кильки идут!

Тут мы спрятали бутылки в кусты и пошли к себе на гору готовиться к встрече.

Продолжение следует

СТРАНА
ПОБЕД
ПОЭЗИЯ
Ф

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

Дорогие ребята, читатели «Костра»!

Вы прочтете два отрывка из моей поэмы «Февральский дневник».

Эту поэму знают и читатели Советского Союза и читатели за рубежом. Среди тех и других много школьников, родившихся после войны, после тех лет и дней, о которых я пишу в «Февральском дневнике», а также в других своих поэтических, прозаических и драматургических работах.

Многие читатели спрашивают: когда и как был написан «Февральский дневник», правда ли то, о чем здесь написано?

Так вот, здесь только правда. Именно поэтому я и назвала поэму дневником.

«Февральским дневником» я назвала эту небольшую поэму еще и потому, что она была написана в январе — феврале месяце 1942 года в Ленинграде. Если бы я начала рассказывать об этом времени, мне пришлось бы рассказывать очень-очень долго и очень подробно. И это заняло бы огромное количество книг, — такое это было страшное, гордое и героическое время, особенно месяцы январь и февраль.

Книг об этом написано много, в том числе и моих: «Дневные звезды», «Ленинградская поэма», «Ленинский призыв», «Говорит Ленинград» и многие другие. А все-таки мне кажется, что еще больше недоговорено, недосказано.

Но будет, обязательно будет договорено, и досказано, и напечатано. Потому что вы, люди, родившиеся много лет спустя после войны, после ленинградской блокады, знать об этом обязательно должны. Об этом грозном и тяжелом подвиге — о ленинградской блокаде.

... Итак, я писала эту поэму в феврале месяце 1942 года, после того, как умер мой муж от голода, как и тысячи других ленинградцев, писала ее, находясь на казарменном положении в Радиокomitee, по ночам, под единственной маломощной лампочкой, затемненной газетным кульком, в большой комнате-общезитии, где спали, умирали или просто отдыхали от очередных дежурств мои товарищи.

Мне хотелось выразить в этой поэме наше общее состояние и общую надежду, точнее — полную уверенность: мы победим!

О. Берггольц

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДНЕВНИК

отрывок из поэмы

Был день как день.
Ко мне пришла подруга,
не плача, рассказала, что вчера
единственного схоронила друга,
и мы молчали с нею до утра.

Какие ж я могла найти слова —
я тоже — ленинградская вдова.
Мы съели хлеб,
что был отложен на день,
в один платок закутались вдвоем,
и тихо-тихо стало в Ленинграде.
Один, стуча, трудился метроном.

И стыли ноги, и томилась свечка.
Вокруг ее слепого огонька

образовалось лунное колечко,
похожее на радугу слегка.

Когда немного посветлело небо,
мы вместе вышли за водой и хлебом
и услышали дальней канонады
рыдающий, тяжелый, мерный гул:
то Армия рвала кольцо блокады,
вела огонь по нашему врагу.

... Я никогда героем не была,
не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
я не героизмовала, а жила.

И не хвалюсь я тем, что в дни блокады
не изменяла радости земной,
что, как роса, сияла эта радость,
угрюмо озаренная войной.

И если чем-нибудь могу гордиться,
то, как и все друзья мои вокруг,
горжусь, что до сих пор могу трудиться,
не складывая ослабевших рук.
Горжусь, что в эти дни, как никогда,
мы знали вдохновение труда.

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
где смерть, как тень, тащилась по пятам,
такими мы счастливыми бывали,
такой свободой бурною дышали,
что внуки позавидовали б нам.

О да, мы счастье страшное открыли —
достойно не воспетое пока, —
когда последней коркою делились,
последнею щепоткой табака;
когда вели полночные беседы
у бедного и дымного огня,
как будем жить,

когда придет победа,
всю нашу жизнь по-новому ценя.

И ты, мой друг, ты даже в годы мира,
как полдень жизни, будешь вспоминать
дом на проспекте Красных Командиров,
где тлел огонь и дуло от окна.
Ты выпрямишься, вновь, как нынче, молод.
Ликуя, плача, сердце позовет
и эту тьму, и голос мой, и холод,
и баррикаду около ворот.

Да здравствует, да царствует всегда
простая человеческая радость,
основа обороны и труда,
бессмертие и сила Ленинграда!
Да здравствует суровый и спокойный,
глядевший смерти в самое лицо,
удушливое вынесший кольцо
как Человек,

как Труженник,
как Воин.

Сестра моя, товарищ, друг и брат,
ведь это мы, крещенные блокадой!
Нас вместе называют — Ленинград,
и шар земной гордится Ленинградом.

Двойною жизнью мы сейчас живем:
в кольце и стуже, в голоде, в печали,
мы дышим завтрашним,
счастливым щедрым днем, —
мы сами этот день завоевали.

И ночь ли будет, утро или вечер,
но в этот день мы встанем и пойдем
воительнице-армии навстречу
в освобожденном городе своем.

Мы выйдем без цветов,
в помятых касках,
в тяжелых ватниках,
в промерзших полумасках,
как равные, приветствуя войска.
И, крылья мечевидные расправив,
над нами встанет бронзовая Слава,
держа венки в обугленных руках.

Гравюра С. Мочалова

В девятнадцатом году судьба забросила меня в один из захолустных городков тогдашней Витебской губернии. Он находился в стороне от железной дороги, и мне пришлось целый день трястись по старому Березинскому тракту, тому самому, что когда-то был свидетелем катастрофического бегства наполеоновских войск. Наконец, на закате дня, я увидел городок. Он притулился к берегу большого озера и рядом с ним казался еще меньше, чем был на самом деле. Домики под черепичными крышами издали напоминали кучу спичечных коробков, оброненных у самой воды.

Прежде городок — как и все города Российской империи — делился на две части. Центр — прямые, крепкие, добротные сложенные строения. Здесь жили купцы, мукомолы, хозяева мастерских. А уж потом шла окраина: сгрудившиеся лачуги, теснота, о которой трудно рассказать, и нужда — о ней рассказать невозможно. Здесь, пугливо озираясь на центр, жила беднота, мелкое ремесленничество. Не раз являлся центр на окраину: бесчинствовать, громить, убивать.

Но теперь, впервые за свое существование, окраина больше не боялась центра. В его дома переселились беднейшие из беднейших, здесь

ВЕЧНО ЗВУЧАЩИЙ ГОЛОС

РАССКАЗ

Александр Бартэн

Рисунок И. Латинского

разместились школа, детский сад, амбулатория, рабочий клуб... Новая жизнь пришла в городок.

Часто я бродил по берегам зеркального озера. К вечеру над ним простирался удивительный покой. Лишь птица вспорхнет иногда из камышей, взмлет в закатное небо, и опять тишина, неподвижность.

Однако вскоре, вместе с газетами (в ту пору они печатались на серой и грубой, чуть ли не на оберточной бумаге) ста-

ли приходиться тревожные вести: белогвардейщина разворачивала наступление.

Телеграфный аппарат в штабе гарнизона не знал отдыха, и по ночам не гасли окна горсовета. Все упорнее множилось слухи, что беда близка, что, мол, не хватит сил, чтобы отразить наступление белых, и надо бежать, пока не поздно, бежать куда глаза глядят, бежать без оглядки... «Слышали? Совершенно достоверно: не сегодня-завтра центр снова вернется в центр!»

В один из этих дней я попал на спектакль клубного драматического кружка. Когда занавес опустился и зрители направились к выходу, раздался голос: «Стой!» Отпрянули от дверей. Они раскрылись. За ними стояли красноармейцы с ружьями наизготовку и поблескивал тол-

стым стволом пулемет. Голос приказал: «Предъявите документы!»

В зале были захвачены белогвардейские лазутчики. Найденные при них листовки угрожали кровавой расправой каждому, кто на стороне большевиков.

Этот вечер, эта проверка документов, эти винтовки на уровне груди и опасность, заставившая подкатить пулемет вплотную к клубному залу, — все это резкой чертой отделило предыдущие дни от последующих.

Наутро вспыхнуло бегство, с каждым часом все более паническое. Фургоны с беженцами — неповоротливые крытые балабулы — заправили мост, выводящий из городка на тракт. Удары бичей, со свистом режущих воздух, скрежет сцепившихся колес, истошные крики, плач детей... Весь день сотрясался мост под этим необычайным людским напором.

И вдруг на уличном перекрестке невдалеке от моста я обнаружил только что наклеенный, даже еще не просохнувший, от руки написанный плакат: «Внимание! Внимание! В семь часов вечера в парке Революции будет говорить товарищ Ленин!»

Взглянув на часы, я бросился в сторону парка. Так назывался круглый садик на площади перед горсоветом. От одного его края до другого было всего несколько десятков шагов, немалое требовалось воображение, чтобы именовать скромный этот садик парком. Но иначе быть не могло: вступив в новую жизнь, городок желал иметь и собственный парк. И, конечно же, не иначе, как парк Революции!

С трудом пробился я вперед. Площадь гудела множеством голосов. Значит, действительно Ленин? Он здесь, среди нас?

Дряхлый старик толкнул меня в бок:

— Вот и я Ленина услышу!

Наконец я достиг садовой калитки, проник за ограду и тогда увидел... Я увидел стол, на столе граммофон, а вокруг стояли командиры и ответственные работники.

И тогда — это было ровно в семь часов вечера — вышел вперед комиссар гарнизона. Он держал в руках граммофонную пластинку. Он держал ее торжественно и бережно, на поднятых вверх ладонях: так держат детей и самые ценные документы.

Комиссар откашлялся, и площадь постепенно затихла. Комиссар сказал:

— Там, в Москве, Владимир Ильич Ленин велел записать на этот кружок свою речь. Владимир Ильич сказал: пусть услышат меня все трудящиеся. Пусть знают, как надо жить в час опасности и как защищать новую свою жизнь!

Комиссар замолк, опустил пластинку на диск граммофона, бережно наклонил иглу.

И тогда заговорил Ленин:

«Товарищи красноармейцы! — начал он. — Союз рабочих и крестьян Красной Армии — прочен, тесен, нерасторжим».

А мы... В этот момент мы забыли, что слова летят из пестрой трубы граммофона, что это только лишь пластинка, вращающаяся на диске. Мы стояли плечом к плечу. Мы были слиты в одно напряженнейшее внимание.

Говорил Ленин:

«Красная Армия непобедима, ибо она объединила миллионы трудовых крестьян с рабочими, которые научились теперь бороться, научились товарищеской дисциплине, не падают духом, закаляются после небольших поражений, смелее и смелее идут на врага, зная, что близко его поражение».

И еще сказал Владимир Ильич:

«Советская власть есть путь к социализму, найденный массами трудящихся и потому — верный, и потому — непобедимый».

Площадь, затаив дыхание, слушала страстные ленинские слова. Ни одного слова не проронили на площади.

Речь товарища Ленина была выслушана десять раз. Отходили одни, подступали другие и слушали так, как слушают самые верные — от сердца к сердцу — слова. И всем — молодым и старым, женщинам с детьми на руках, ремесленникам, красноармейцам, крестьянам окрестных деревень, — каждому казалось, что Ленин просто и душевно обращался лично к нему, беседует лично с ним, не скрывая нависшей опасности, но и не сомневаясь в конечной победе.

А потом комиссар закричал призывно:

— Долой слухи о нашем уходе! Мы не уйдем, не покинем город! Мы будем сражаться рядом с каждым из вас — за каждого из вас!.. Объявляю запись в дружины обороны!

И тут же, точно перед лицом Ленина, стали записываться единицы, потом десятки, сотни... Пять боевых дружин стали на защиту города.

В эти трудные дни мы много раз еще слушали Ленина. С нами был он в окопах, опоясавших город. С нами был в развернувшихся жесточайших схватках. С нами был и тогда, когда подошла помощь и погнали мы белые банды, и немало полегло их все на том же, на старом Березинском тракте.

... Это было давно, очень давно — в тысяча девятьсот девятнадцатом году.

С той поры городок переменялся неузнаваемо: стал промышленным, разросся, вверх поднялся. А на берегу зеркального озера густой лиственной шелестит настоящий парк. Парк, по праву названный именем Ленина.

Дайте нам организацию революционеров —

ИСКРА

ДЕКАБРЬ 1900 ГОДА

ВСПОМНИМ:

29 января 1900 года закончилась трехгодичная ссылка Владимира Ильича Ленина в Шушенском. В тот же день Владимир Ильич и Надежда Константиновна выехали в Европейскую Россию.

ВСПОМНИМ:

Стать во главе рабочих пытались либералы, «экономисты» и даже шпионы жандармского полковника Зубатова. Революционной социалистической рабочей партии не было, предостало ее создать.

ВСПОМНИМ:

Ленинский план был таков — чтобы победила революция, ее должен возглавить рабочий класс. Во главе рабочего класса — подпольная партия. Как создать партию? Что делать? С чего начать?

— С газеты, с общерусской рабочей газеты, — неожиданно для всех решил Ленин.

Но разве может газета создать партию?

— Может, — отвечал Ленин.

Ее редакция станет мозгом будущей партии. Здесь будет выработываться программа революционного движения, методы борьбы.

Ее агенты-транспортники, распространители будут нервной сетью будущей партии. Они приобретут опыт организаторов, руководителей партийной работы, завоеют доверие и авторитет у рабочих.

Ее читатели постепенно образуют тело — массу партии. Создать газету, подготовить съезд, создать партию и добиться победы революции — таков план Ленина...

Всего два слова — создать газету. Это значит — найти умелых редакторов, талантливых авторов и многочисленных корреспондентов. Это — найти в капиталистической Европе типографию, готовую печатать

ЖЕНЯ.

вляла, что очей парти евание поли зть тому на ены группы ода тому на ратических Россійскую не смотря литических ступает на тели нашего указаннаго ее значение торой планъ и ограничи оры объ об оссии просто вести одну интеллиген ее заявление я уже прямо еннлѣтнимъ программы. (Приложеніи) гѣ. Русская ній, періодъ одной сто низма; рабо ю имъ вовсе азъясняютъ гѣ всего дви лизмъ отры ы опять на что борьбу ини силам шь эк

по на Во-перв. алдемократы кой работой. могли удер) крайность мъ приходи шествование

ческой мысли отъ передовыхъ представителей трудящихся классовъ гораздо больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, и что при такой оторванности русское революционное движение осуждено на безсиліе. Отсюда сама собою вытекаетъ та задача, которую призвана осуществить русская социалдемократія — внѣдрить социалистическія идеи и политическое самосознание въ массу пролетариата и организовать революционную партию, неразрывно связанную съ стихійнымъ рабочимъ движениемъ. Много уже сдѣлано въ этомъ отношеніи русской социалдемо

Сдѣлать. Съ ростомъ социалдемократіи стороннѣе, все точиваетъ свои задачи, пропаганды и неизбѣжно не на то, ч приемы борь чтобы подго главной и е

Отодвигаю содержание и организаци, рабочихъ «п ихъ жизни, т комъ заботлив самодержавіа державіа и ванія отъ безпо

есть въ Р нится вел Петра Але рабочего штыками,

(родился Со смер кратіи рево ного изъ борцовъ и запной ко чихъ всѣхъ концовъ Г одной лиц южной Ас граммы, с утратъ, по хороны Л ственной тысячъ, б и предств Венгріи, б единопдуш ныхъ корп кихъ гран король, ни

Всеобщіа міра къ Л зившіяся многолѣтне неутомимы тического бочихъ м

ѣнку его — значит ности, по т. е. приоб ственной д

выработка онъ отдал время, а только раб образованн произвола порядковъ

Ленинской „Искре“ мы посвящаем Восьмое

и мы перевернем Россию!

В. И. Ленин

бесприбыльную газету на русском языке. Это — найти склады в приграничных областях и на трассах газетных транспортов для хранения отпечатанных экземпляров. Это — найти по всей России людей, согласных под страхом ссылки и каторги получать и распространять газету. Это — найти жертвователей, согласных оплатить немалые расходы газеты...

И еще это значило — найти людей, способных переправить газету через границу.

ВСПОМНИМ:

Договариваясь с единомышленниками о создании «Искры», Ленин за пять с половиной месяцев побывал в Уфе, Самаре, Сызрани, Нижнем Новгороде, Петербурге, Пскове, Риге, Подольске, Смоленске и 16 июля выехал за границу.

ВСПОМНИМ:

24 декабря 1900 года вышла «Искра» № 1. Прошло четыре года, и первая революция потрясла Россию.

ВЗГЛЯНИ НА ЭТУ КАРТУ.

На ней показана сеть организации «Искры». Отмечен на карте и маршрут Восьмого Большого Путешествия «Костра». Мы побывали в нескольких центрах русской организации «Искры». В путешествии были поиски и случайные встречи, находки и неудачи. Мы старались найти живые свидетельства и документы, добавляющие характерные штрихи к истории великого ленинского дела.

НАЧАЛО С КОНЦА

В путешествиях «Костра» обычно бывали командоры. На этот раз командора назначили не одного, а шесть — по командору на каждый этап. Да еще одного, которого хотели сначала назвать худкомандором, но потом поименовали командором-художником.

Хотели зачислить в командоры Веселого архивариуса, но он в свойственной ему манере возразил: «Позвольте, мне по роду моих занятий больше подходит звание коллежского асессора, которое в старину соответствовало воинскому званию майора, которое, в свою очередь, в некоторых армиях соответствует званию командора».

Чтобы не слишком путаться, Веселого архивариуса назначили Архивариусом.

Вернулись из путешествия командоры, заполнили редакционные коридоры и принялись докладывать, кто что привез: очерки, фотографии, репортажи, рисунки, беседы, заметки. Казалось бы, про «Искру» и искровцев немало написано и статей и целых книг, но и нашим путешественникам удалось разведать кое-что новое.

Решили: весь материал, привезенный с запада, печатать в этом номере, а в следующем номере — из Поволжья и Закавказья.

Решили: опубликовать в журнале все материалы, имеющие отношение к «Искре», и рассказы о неожиданных встречах с хорошими людьми.

Решили: выделить Архивариусу на путевых страницах несколько уголков для сообщений «Как это делалось».

Еще решили: поручить мне написать стихотворение-мостик из первой части путешествия во вторую, из этого номера «Костра» в четвертый, —

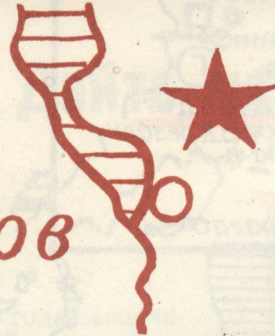
в чем и расписываюсь

КОСТЯ ТЕРКИН

Большое Путешествие „Костра“

Псков

Командор-1 возглавляет северный этап путешествия, он был направлен в Псков, где Ленин впервые провозгласил программу газеты «Искра».

ДОМИК В ПЕТРОВСКОМ ПОСАДЕ

Тишина к лицу древним городам. Псков — город тихий...

Но приезжие из городов больших и шумных испытывают чувство, похожее на робость, встретившись взглядом с узкими бойницами псковских башен. И холодок необъяснимой боязни примешивается к пылу восхищения в душе у приезжего, когда в крепких стенах коренастых псковских церквей он вдруг открывает грозную силу, не растраченную до сих пор.

Месяц март, год 1900.

«Имею честь донести, что общее настроение народонаселения Псковской губернии, без различия сословий, в минувшем году отличалось, как и прежде, полною благонамеренностью и преданностью правительству».

Кому-кому, а жандармскому полковнику, когда он строчил свой бодрый рапорт, было уже известно, что «26 февраля с. г. в г. Псков прибыл уроженец г. Симбирска помощник присяжного поверенного **Владимир Ульянов**» и что за ним учрежден негласный надзор полиции.

Но не дано было понять жандармскому полковнику, да и невозможно было разглядеть за густым снегопадом, что в тот же вьюжный

день на исходе зимы в тихий город Псков вернулась сама История.

Жил в Пскове человек с громким именем — князь Оболенский. Имя именем, титул титулом, а князь ходил в «политически неблагонадежных». И жителем Пскова он стал не по собственной воле.

Оболенский очень скоро нашел для Владимира Ильича небольшую, но удобную комнатку с окном на Архангельскую улицу в квартире провизора (аптекаря) К. Лурьи.

Недлинная Архангельская улица слыла одной из приличнейших в городе. В одном ее конце белели колонны кадетского корпуса, в другом — вонзалась в небо старинным вырезным крестом церковь Михаила Архангела на Городце. Прямо напротив дома, где жил Владимир Ильич, торчал у полосатой будки усатый часовой. Там квартировал 94-й пехотный Енисейский полк.

(До чего же тесен мир! Покинуть пределы Енисейской губернии месяц тому назад, проехать империю из конца в конец и снова видеть это сочетание букв — ЕНИСЕЙСКИЙ!)

Весна в тот год не спешила с приходом. Но с первых мартовских дней, еще по-зимнему студёных, Архангельскую улицу выбрали местом прогулок неизвестные невзрачного вида с одинаковым у всех выражением томной скуки на серых лицах и с одинаково прыткими глазами. Их продувала насквозь метель, их сотрясал мороз, но любители свежего воздуха не сдавались. И странное дело! На Архангельской им был отчего-то особенно сладок воздух одного квартала, а точнее, воздух под окнами квартиры Лурьи.

Однако стоило поднадзорному Ульянову выйти из дома, они в тот же миг покидали любившийся тротуар. И куда бы ни направлялся Владимир Ильич, «любители подышать воздухом» неотвязно маячили в отдалении.

Но до поры до времени слежка за Ульяновым решительно не давала ярких впечатлений псковским филерам (сыщикам).

«Находился в общественной библиотеке до закрытия оной... Читал и делал выписки из книг... Выходил покурить... В разговоры ни с кем не вступал...»

Ох, видно, псковским филерам не дали знать из Петербурга, что поднадзорный Ульянов терпеть не может табаку! Не то они могли бы изобразить в своих донесениях события позанимательнее, чем это — «выходил покурить». Потому что курилка при библиотеке была как раз тем местом, где Владимир Ильич скрытно встречался с нужными людьми. С одними из них он свел знакомство здесь, в Пскове, других знал раньше по Петербургу и Сибири. Сходные пути привели их на берега Великой — революционная работа, а там — арест, ссылка, полицейский надзор. В коротких тихих разговорах в табачном дыму по крупницам росло огромное дело, ради которого Ленин остановился в Пскове...

Быстро бежали краткие ночные часы. Дребезжали оконные стекла под ударами метели. Выгорал керосин в лампе. На столе у Владимира Ильича, строка к строке, листок к листку, рождалась рукопись...

На тихой псковской улице, которая много столетий подряд называлась Петровским посадом, стоял домик князя Оболенского. Стоял так, что прямо с улицы и не видно — в глубине тупичка, между Посадом и речкой Псковой.

Перед домом — палисадник. Кусты и деревья посажены густо. Сразу за домом заросший кустарником спуск к Пскове. Кстати, в эту сторону и второй выход. Так что если кому-нибудь понадобится вдруг уйти незамеченным, он может спуститься вниз и по береговой тропинке, вдоль огородов и скотных дворов, уйти куда угодно.

ИСКРОВЦЫ

ПАНТЕЛЕЙМОН НИКОЛАЕВИЧ ЛЕПЕШИНСКИЙ, он же «Лапоть», он же 2а3б. Руководитель псковских искровцев. Именно он превратил Псков в крупнейший центр распространения «Искры». Он устроил так, что помимо многочисленных товаров, доставлявшихся из-за границы на склады купца Жиглевича, неведомо для торговца, поступали в Псков и тюки с «Искрой» и «Зарей».

ПЕТР АНАНЬЕВИЧ КРАСИКОВ в самой потрепанной и небогатой одежде умел выглядеть барственно и элегантно. Он прекрасно знал иностранные языки и при случае легко выдавал себя за француза. Все это делало его одним из ценнейших агентов «Искры».

Петр Ананьевич был одаренный музыкант. В Пскове Ленину не довелось послушать его игру, но в годы эмиграции Красиков не раз играл Ленину на скрипке.

Как это делалось

Альбом перелистан, репродукция картины просмотрена с обеих сторон, из шляпной картонки извлечена пышная дамская шляпа и... ничего больше! Эти посылки можно в Российской империи пропустить.

Делалось так: десятки номеров «Искры» запрессовывались специальным прессом — получался картон. Из картона делали коробки, переплеты для альбомов, использовали его как паспарту для наклейки репродукций.

Получателю нужно было размочить картон струей горячей воды и высушить экземпляры ленинской газеты.

Таможенные чиновники перерыли чемоданы пассажиров, перетряхнули каждую мелочь. Ничего!

— Можете закрывать чемоданы, господа!

Им было невдомек, что чемоданы у одного из «господ» имеют двойное дно и стенки. Тысячи экземпляров «Искры» доставлялись таким образом в Россию.

А искровец Максим Максимович Литвинов не отказывал себе в удовольствии провезти еще несколько экземпляров в каблуках своих ботинок.

В один из вечеров между 29 марта и 3 апреля 1900 года, когда Пскова и Великая еще стояли, скованные льдом, несколько человек собрались за самоваром в низеньком зале у Оболенского.

Если бы старший филер города Пскова Горбатенков нес службу исправнее и сумел бы подсмотреть в какую-нибудь щелочку чаепитие у князя, то и ему вряд ли показалось бы что-либо подозрительным.

В комнате было шестеро: проживающие в Пскове политически неблагонадежные В. И. Ульянов, А. Н. Потресов, С. И. Радченко, их сотоварищ из Полтавы Ю. О. Цедербаум и два гостя из Петербурга — публицисты либерального направления П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский.

Владимир Ильич читал написанный здесь, в Пскове, «Проект заявления редакции «Искры» и «Зари»».

Россия стояла на пороге двадцатого столетия. Решительными, четкими штрихами изображал Ленин положение страны:

«Кружки рабочих и социал-демократов интеллигентов появляются повсюду, появляются местные агитационные листки, растет спрос на социал-демократическую литературу, неизмеримо обгоняя предложение ее, — и усиленные правительственные преследования не в силах задержать этого движения.

Битком набиты тюрьмы, переполнены места ссылки, чуть не каждый месяц слышишь о «провалах» социалистов во всех концах России, о поимке транспортов, о взятии агитаторов, о конфискации литературы и типографий, — но движение не останавливается, а все растет, захватывает более широкий район, проникает все глубже в рабочий класс, привлекает все больше и больше общественное внимание».

Пятеро слушателей Владимира Ильича хорошо знали, как верна эта оценка момента.

Одни из них вместе с Владимиром Ильичом уже положили немало сил на создание революционных групп и связей. Другие — гости из Петербурга — много писали для социалистических изданий.

Однако далеко не все, что писалось в подпольных, легальных и полуполигальных листовках, газетах, журналах и брошюрах и на самом деле несло рабочим боевое учение Карла Маркса.

И вот уже Владимир Ильич говорит об этом:

«А русская легальная литература с той пародией на марксизм, которая способна только развращать общественное сознание, еще усиливает этот разброд...»

Из тех, кто сидел напротив петербургских гостей, кто-то с удивлением взглянул на Ильича: зачем было приглашать этих столичных краснобаев? А если уж пригласили ради тактики, зачем так откровенно высказывать свое к ним отношение?

Владимир Ильич хорошо знал, что делает. За петербуржцами в то время стояла немалая часть интеллигенции, чьи силы и знания тоже нужны были будущей партии. Но, приглашая их к союзу, необходимо было твердо показать, что нет и не будет никаких уступок в главном: в чистоте революционной теории.

Михаил Иванович Туган-Барановский нервно крошил баранку.

Петр Бернгардович Струве глубоко задумался. Пусть этот неугомонный Ульянов хлопчет о партии и газете. Когда дело будет сделано, он, Бобо, придет на готовое, станет вождем и редактором, вождем приличной, как в порядочных европейских странах, партии, будет произносить зажигательные речи в парламенте!

А Владимир Ильич уже говорил о двух самых важных задачах:

«Необходимо выработать, во-первых, общую литературу партии, общую же только в том смысле, чтобы она служила всему русскому движению, а не отдельным районам, чтобы она обсуждала вопросы всего движения в целом и помогала борьбе сознательных пролетариев, а не одни лишь местные вопросы, но общую также и в том смысле, чтобы она объединяла все наличные литературные силы... Необходимо выработать, во-вторых, организацию, специально посвященную сношениям между всеми центрами движения, доставке полных и своевременных сведений о движении и правильному снабжению периодической прессой всех концов России. Только тогда, когда будет выработана такая организация, когда создана будет русская социалистическая почта, партия получит прочное существование...»

Расходились поздно.

Им предстояло пойти в разные стороны.

Струве и Туган-Барановский, убедившись в невозможности подчинить партию себе, станут ее злейшими врагами.

Цедербаум и Потресов не сумеют проявить стойкости в политических боях, смалодушничают, изменяют взгляды и убеждения.

Всех этих подробностей будущей борьбы не знал в ту ночь и Владимир Ильич. Но ему гениально виделось другое: могучая партия, революция, победа пролетариата.

ПОИСК ТОЛЬКО НАЧАТ

Когда ребята из восьмого «б» девятой одесской школы ходили еще в пятый класс, они создали туристский кружок. Побывали на Кавказе, в Ленинграде, в Карпатах, в старых русских городах. И дали своему отряду имя Афанасия Никитина.

Потом вдруг почувствовали, что интересно не просто путешествовать — что бы еще посмотреть? — а в путешествии искать и открывать. И взяли для этого тему — «История газеты «Искра», потому что газета распространялась по всей России — и значит, дороги тут не заказаны, а приходила «Искра» во многие города благодаря тому, что был на свете город Одесса.

Тут надо сделать небольшое отступление для тех читателей, что никогда не были в этом городе и мало знают о нем.

В Одессе в 1875 году родилась первая рабочая организация России «Южнороссийский союз рабочих». А ленинская газета «Искра» создала здесь «Южную революционную группу социал-демократов» — одну из самых крупных искровских организаций.

В гостинице «Центральная» открыл свой временный штаб Командор-2. Его главными сотрудниками стали юные красные следопыты города-героя.

У Одессы на сто дорог больше, чем у других городов, потому что она стоит у моря. Две дороги приносили в Россию «Искру». Одна начиналась в Румынии, в порту Галац. Другая — в Болгарии.

Портовый город — шумный и пестрый. Швартуются суда, приходят грузы. Что там в толстых тюках? Что несут пассажиры в чемоданах?

Домики на многие километры порастянулись вдоль берега, попрыгали в буйных садах. Каждый хозяин имеет лодку. Шлепают весла темными южными ночами. Куда? На лов бычков?

Но главное — людей-то сколько! Румыны, немцы, болгары, итальянцы, турки... Говорят на всех языках, носят самое разное платье. Попробуй-ка тут заметить, кто, откуда и по каким делам сюда приехал.

Первая запись об «Искре» в дневнике отряда «Афанасий Никитин»:

«1901 год. В декабре Ленин направил в Одессу для революционной работы Дмитрия Ильича Ульянова, своего младшего брата. Для маскировки нелегальной деятельности молодой врач

ИСКРОВЦЫ

ЗАГУБАНСКИЙ ИВАН (настоящая фамилия Слепов), болгарин. Это о его жизни рассказывает фильм «Первый курьер».

Выдавая себя за ловкого посредника в торговых делах, он пять раз перевозил «Искру» из Варны в Одессу в чемоданах с двойным дном. В декабре 1901 года был схвачен полицией. В тюрьме его тяжело пытали, били, лишали пищи. А он умудрялся отправлять в редакцию «Искры» заметки о содержании политзаключенных.

Три раза бежал, но неудачно.

Болгарские и русские рабочие требовали на митингах его освобождения, и в начале июля 1903 года курьер «Искры» Иван Загубанский был выпущен на свободу.

Ульянов решил поступить на работу. Но это было очень сложно. Фамилия Ульяновых у царских властей почетом не пользовалась. К тому же Дмитрий Ильич отбыл тюремное заключение за участие в студенческих волнениях. С большим трудом удалось ему устроиться под Одессой — в Холодной балке в грязелечебнице. Здесь же Ульянов и жил.

Трудовой день для врача начинался очень рано — в шесть часов утра. «Дела у меня изрядно... свободного времени остается немного. Заведующий лечебницей и другой персонал люди славные, так что мы живем в мире и согласии».

Здесь Дмитрий Ильич познакомился с фельдшерницей Нещеретовой, которая стала его женой и соратницей по революционной борьбе.

Ульянов организовал в Холодной балке подпольную искровскую группу. В нее входили А. Я. Трутковский, заведующий грязелечебницей, А. И. Нещеретова, конторщик А. П. Медяник. Приезжали руководители Одесского комитета РСДРП — Землячка, Левицкий.

Рядом с лечебницей была дача присажного поверенного А. И. Осмоловского. Каждое лето там отдыхали его жена и дети».

Читали наши следопыты книги, рылись в старых газетах, мечтали о встречах со свидетелями событий. Вот только где их искать, было неизвестно — люди-то совсем не обыкновенные. Стали узнавать про детей Осмоловского. Жива его дочь Мария Антоновна, только носит теперь фамилию Ржепышевская. А Ржепышевский Федя — их одноклассник! Мария Антоновна — Фебина бабушка. Оказывается, не за тридевять земель живут интересные люди.

Что рассказала ребятам Мария Антоновна Ржепышевская:

«Я тогда была девчонкой, мне тринадцать лет только минуло. Помню, каждый вечер молодежь собиралась в комнате у Дмитрия Ильича или у доктора Трутковского. Или просто по парку гуляли — замечательный там парк. На прогулки брали детей. Дмитрий Ильич нам очень нравился: был он простой, веселый и очень красивый.

Отец приезжал из города по субботам, после службы. Холодная балка в четырех километрах от железной дороги. На станции Дачное он занимал подводу. Однажды приехал — все подводы заняты. «Для охотников», — говорят возницы. Наутро мы узнали, что были это не охотники, а жандармы. Они закупили все подводы для налета на Холодную балку. Ходили в каменоломню — рядом была — искали типографию. Дмитрия Ильича, его жену и конторщика Медяника арестовали.

Это произошло 25 августа 1902 года в четвертом часу утра. А в полдень из Одесского жандармского управления пошла в Петербург депеша: «Кружок Медяника ликвидирован».

Архивные документы показывают, что кружок предал провокатор.

Медяник, спасая товарищей, взял всю вину на себя. Его приговорили к пяти годам тюремного заключения. Ульянова и Нещеретову освободили.

Вскоре из Петербурга одесские жандармы получили приказ «отдать Антону Нещеретову и Дмитрию Ульянову под усиленный надзор полиции». Но те уже были в Киеве».

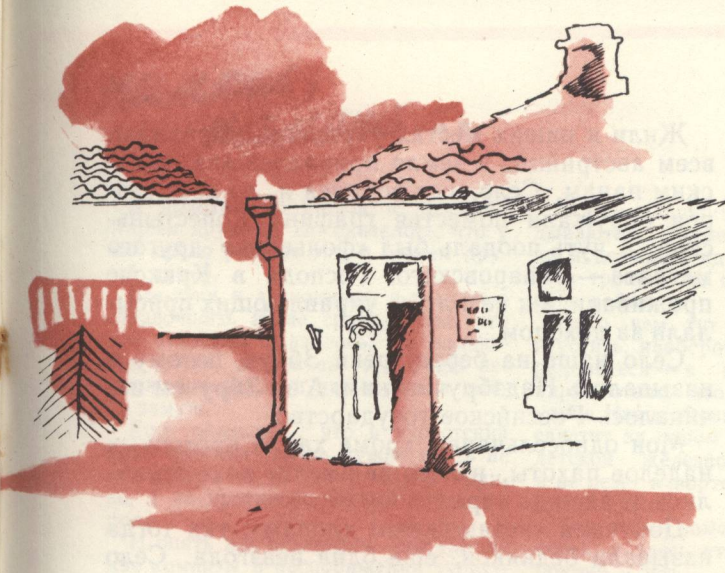

Как это делалось

Два морских способа транспортировки «Искры». Французские моряки-социалисты на подходе к Батуму ночью опускали в море с кормы на веревке резиновый мешок с нелегальным грузом.

К медленно проплывавшему пароходу приближалась лодка. Взмах ножа — веревка перерезана, через несколько минут драгоценный груз на берегу. Кому придет в голову проверять утлую рыбацкую лодочку!

А моряки-норвежцы привозили «Искру» в Архангельск, упрятав клеенчатый пакет с газетами в бочку селедок.

3 января 1902 года Владимир Ильич писал руководителю кишиневской подпольной типографии Л. И. Гольдману:

«...крайне важно бы было печатать «Искру» в России через 2-3 номера, выбирая номера, имеющие более постоянный интерес. Например, № 13, может быть, следовало бы.

Но уже раз печатаете, печатайте в 2-3 раза больше число экземпляров: надо хоть раз попробовать насытить всю Россию».

Кишиневские подпольщики выполнили указание Ильича. № 10 «Искры» был перепечатан полностью тиражом 1500 экземпляров. А ленинские статьи «Обвинительный акт Обуховской обороны», «Новое побоище» и «Начало демонстраций» кишиневцы печатали тиражом 10—12 тысяч экземпляров!

Подпольная типография была оборудована в скромном домике, который вы видите на рисунке.

Растет у калитки не то дерево, не то куст. Листочки на нем не одинаковые, плоды и совсем непохожие. Может, несколько яблонь рядом? Нет, корень один.

И вот лукаво улыбающийся хозяин выходит из дома и объясняет, поглаживая деревце:

— Эта яблоня моя любимица. Я в ней уже семь сортов смешал. И еще хочу привить.

Хозяин ведет нас по саду. Чего тут только нет! Рядом с южными растениями северяне, которых, пожалуй, заставить жить на юге не легче, чем южан у нас на севере.

— С кем же вы растили этот ботанический сад?

— Есть у меня один помощник — Ворцепнев Василий Данилович, не слышали? — хохочет хозяин.

Мы говорим: «Не слышали», — и тоже смеемся, потому что уже поняли, что Ворцепнев Василий Данилович — это и есть наш новый знакомый.

Устраиваемся в тени, Василий Данилович объясняет про сад, как про человека:

— Я его неприхотливым ращу, чтобы не изнежить. Уезжать приходится часто. Иногда надолго.

Такая уж у него работа. Этого добродушного человека называют «республиканским громом и молнией» —

НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНЫЙ САД

он инспектор по электроэнергии. Инспектирует электрическое хозяйство всей Молдавии.

Но есть у Василия Даниловича еще одно в жизни дело — главное, чем электрическая энергия и чем сад. Главнее и дороже. Наверное, поэтому рассказал он нам о нем напоследок.

Уже три десятка лет собирает Ворцепнев материалы, связанные с местами, где жил и работал Ленин. С блокнотом и фотоаппаратом объездил он всю страну (на снимке вы видите В. Д. Ворцепнева со связным Ленина и сторожем ленинского шалаша в Разливе Н. А. Емельяновым). Побывал Василий Данилович недавно в парижской квартире Ленина на улице Мари-Роз, теперь собирается в Лондон.

Альбомы, составленные им, складываются в самую полную фотолетопись путешествий Владимира Ильича Ленина.

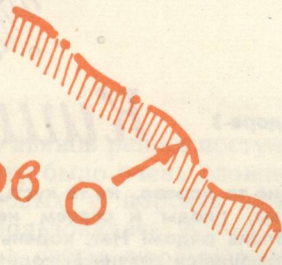
Вот о чем рассказал нам хозяин сада напоследок.

Л. И. Гольдман в своих воспоминаниях писал: «Мы купили большую плетеную детскую коляску, нагужали ее почти доверху литературой, поверх литературы тюфячок, а на него младенца, и жена, гуляя, легко и свободно перевозила в экспедицию большое количество нелегальщины, которая тут же и складывалась в заготовленные корзины и чемоданы».

Львов

НАД ЗБРУЧЕМ

ПОСЛЕ ЛИВНЕЙ НА ЗАПАДЕ УКРАИНЫ

Два дня продолжались ливневые дожди в Карпатах и на территории Ивано-Франковской, Львовской, Закарпатской и Черновицкой областей. Переполнились, разлились горные реки, и огромная масса воды хлынула в долины затопила некоторые населенные пункты в ряде районов. Корреспондент «Известий» А. Козлов обратился к первому заместителю Председателя Совета Министров Украинской ССР Н. А. СОВОЛЮ с просьбой рассказать о борьбе с наводнением и принимаемых мерах по ликвидации его последствий.

— После ливневых дождей, прошедших 7 и 8 июня, — сказал Н. А. Соболев, — уровень воды в Днестре, Пруте и их притоках резко повысился. Прогнозы метеорологиче...

С чувством высокой ответственности и понимания своего гражданского долга организованно участвует в воднении и его последствиях. Рабочие, колхозники, студенты, домашние хозяйки действуют самоотверженно друг другу, спасают народное имущество, проявляя в трудный час мужество, героизм и находчивость. О масштабах спасательных работ судить хотя бы по той Ивано-Франковской области, где эвакуир...

Нелегкий путь выпал на долю Командора-4, обосновавшегося во Львове. Короткая заметка на след ветерана революционного движения на Тернопольщине Александра Алексеевича Сенькива.

Попасть в село Надзбручанское, к Сенькиву, было в июне 1969 года почти невозможно. Командор-4 пользовался автобусами, подводами, вертолетом, шел пешком, а в Надзбручанское прибыл... на карете «Скорой помощи»! Но с Александром Алексеевичем все же повидался и записал его рассказ.

Жили в наших местах украинцы, управляли всем австрийцы, а земля принадлежала польским панам. Село, где родился я, со всех сторон окружали поместья графини Копестыньской, а чуть поодаль был «фольварк» другого магната — Боваровского. Господа в Кракове проживали, а к нам лишь управляющих присылали за доходом.

Село наше на берегу реки Збруч, потому и называлось Надзбручанским. А за Збручем начиналось Российское государство.

Мои односельчане, кроме хат и крохотных наделов пахоты, ничего не имели, хотя трудились от зари до зари.

Доучала «незамощным хлопам», так тогда называли бедняков, еще одна невзгода. Село было прикордонным, и потому с давней поры укоренился в здешних местах нечестный промысел — перемытничество, а по казенным бумагам — контрабанда. А значило это — тайный провоз товаров через рубеж.

Ну, иные по бедности на все согласны — на любой риск шли. Стража пограничная, конечно, следила, чтоб товары не носили. Да купцы и тут знали, как свою выгоду соблюсти. Десять мешков в село привезут: один — таможенному начальнику обер-фельдфебелю Кратхвилу. Тот на ночь охрану снимет — хоть все село на русский берег переноси. А там тоже посты стоят. Значит, снова торг начинается — теперь уже с урядником Никоновым.

Мне отец строго-настрого приказал, чтобы я к этому делу касания не имел. Проживем, мол, и без того, честно, ноги не протянем.

Только раз — было мне о ту пору четырнадцать годов — подзывает батька и говорит:

— Завечерее, пойдешь к братанам Головановским, возьмешь от них поклажу и к куму Степану в Чернокозинцы отнесешь.

Подивился я: Чернокозинцы по ту сторону Збруча. И зачем туда скрытно идти? Объяснить лучше стражникам, что к родне гостицы несусь. Видит отец, что я не понимаю.

— Эх, что душой кривить, сынку, дело тут опасное. Понесешь ты грамоты, да такие, что прочтут их люди, и вся земля нам, крестьянам, выйдет, и жить будет весь народ одной семьею.

Помчался я к Головановским. Там дядька Андрей приложил мне к животу стопку газет, накрепко мешковиной обмотал, да свою рубашку дал одеть, чтоб просторнее было.

— Спускайся, — говорит, — к реке, да жди темноты в моем курене.

Затаился я, а ждать терпения нет. И любопытство тут меня разобрало. Выдернул я листок и, хоть не силен был в русской грамоте, прочел: «Искра». А рядом: «Из искры возгорится пламя!»

Намянь, намянь...

Я приехал во Львов и позвонил старым друзьям. Но оказалось, что у них давно уже не тот, а совсем другой номер.

Все-таки я дозвонился, с помощью справочного. И не сразу понял, кто мне отвечает. Оказалось, что маленькая дочка хозяев за эти годы немножко выросла и даже успела выйти замуж.

Еще оказалось, что в туристский клуб «Поиск» теперь нужно ехать не как встарь, не на улицу Ивана Франко, а на противоположный конец города.

И опять же оказалось, что уже не две комнаты в распоряжении туристского клуба, а целый двухэтажный дом, а в нем — самими туристами основанный Музей партизанской славы.

Я бродил по незнакомым помещениям, рассматривал незнакомые портреты на стендах. И думал о том, какой это огромный срок — десять лет.

Десять лет назад, в первый день августа, отправлялись мы в Карпаты. Никакого «Поиска» еще в помине не было: компания кружковцев, да педагоги Левицкие, да журналисты «Костра». Пекло солнце, гнул к земле рюкзак. Солдатские блиндажи на Черной горе открывали свою тайну. И звучала у костра «Песня о глобусе», и Марийка Слепко говорила свое певичее «эге ж».

— Где Марийка? — спросил я. И узнал, что ее давно нет во Львове. И Бонецкого нет. И Чанчика. Ничего не скажешь, — много воды утекло.

Новые маршруты прокладываются. Новые мальчишки и девчонки идут по горным тропам, по следам героев войны.

Не о чем тут вроде бы грустить, наоборот, надо бы радоваться — а мне жаль вдруг стало, что я не на улице Ивана Франко, что не свистит за окном паровозик детской железной дороги и не лезет в форточку ветка дикой груши.

Там я был помощник, ученик, а здесь кто? Посторонний. Гость.

Но тут я увидел в застекленной витрине старенькую — и такую неприметную рядом с другими, поздними — карту нашего давнего рейда. И обнаружил в толстенном альбоме-дневнике, на начальной его странице, свою собственную запись, старательно обведенную чернилами по карандашу.

Святослав Георгиевич Левицкий высыпал на стол фотографии, прежние и свежие, и они моментально перемешались, не отличить этих от тех — всюду палатки, горы, висячие мосты, туристские цепочки, и физиономии всюду одинаково юные и веселые.

А Тамара Анисимовна Левицкая сказала о Марийке — как она, взрослая, некоторое время крепилась вдали от Карпат, а потом не выдержала,

Картина художника В. Форостецкого «Допрос галицких крестьян, арестованных с грузом газеты «Искра».

Эту картину нам любезно разрешили перенести во Львовском музее В. И. Ленина.

и приехала, и на весь свой отпуск закатилась в дальний поход.

Поздно вечером я шел к трамвайной остановке. И надо же, как нарочно, — опять из окон лилась музыка, которую слышал я, когда шел по Львову впервые, навьюченный, в неомытой штурмовке:

«Ой, дивчина, шумит гай, кого любишь, забывай!»

И подумалось: пусть пройдет лет еще столько, и полстолько, и четверть-столько, и пусть как хочет шумит этот самый гай, — кого люблю, я все равно никогда не забуду.

СК

Я видел, что день ото дня нелегальной литературы приходит все больше. Целые повозки тюков с «кожей» доставлял в Надзбручанское сапожник Яков Фолькенфлик. Был он человеком работающим, но перебивался с хлеба на квас. На такого можно было положиться.

Уже при советской власти узнал я от старых большевиков, как все было. Из Чернокозинцев, Шустивцев, Довжка литература направлялась в губернский город Каменец-Подольск. Губерния была приграничной, торговля шла бойко, товары направлялись во все концы Российской империй. А пересылкой и упаковкой занималась транспортная контора «Надежда». В этой конторе и служили агенты «Искры» Николай Николаевич Кудрин и Дора Двойрес. Они безо всяких подозрений могли отправлять посылки по любому адресу. Домик на Гимназическом спуске в Каменец-Подольске, где была столлярная мастерская конторы, сохранился по сей день.

Как-то до нас дошла весть, что неподалеку, в Гусятине, австрийская полиция захватила несколько мешков политической литературы. Арестовали и незнакомца. Для опознания русского революционера был приглашен жандармский следователь из Каменец-Подольска. Императоры Николай и Франц-Иосиф хотя и ссорились постоянно друг с другом, но знали, что нет у них страшнее врага, чем социалисты.

Носить «Искру» становилось все опаснее. А свежие номера продолжали прибывать. Тогда-то мне и пришлось стать главным книгоношею. Для этого я подружился с хлопцами из Чернокозинской школы. В школе было всего два класса, но учились там парубки пятнадцатилетних шестнадцати лет... На селе все с уважением называли их студентами.

Трое моих друзей — Лука Паладийчук, Михайло Поворозник и Петро Постоловский — знали толк в книгах и газетах, которые я им передавал. Читали они и Герцена, и Ивана

Франко. А мне порой пересказывали истории про индейцев, сыщиков, Ната Пинкертона. Оказывается, и это пригодилось! В прибрежной роще мы устроили несколько тайников. Теперь я мог посреди дня, набив за пазуху литературы, бежать к реке, будто бы купаться, и оставлять принесенное в секретных местах.

В излучине Збруча граница с полверсты шла по суше, и выходило, что рощица на русской стороне. Солдаты, если и видели меня, то внимания не обращали — пусть купается мальчонка. Тем более не было у них подозрений, когда после занятий прибегали в рощу «свои» — чернокозинские студенты.

Взрослым же по-прежнему приходилось переправляться через Збруч по ночам. Однажды — и это было на моих глазах — Петро Урбановский попал в засаду. Это когда в Чернокозинцы скрытно прибыл жандармский офицер.

Ночь выдалась лунной. Для верности Михайло Конопский заманил австрийских стражников на угощение в корчму. Груз был большим и важным. Но словно почувствовал Петро что-то недоброе. Меня с большей частью поклажи он оставил у последней хаты близ спуска к реке. И на самом деле: только он ступил на русский берег, как раздались выстрелы. К счастью, солдаты, знавшие Урбановского, целили в небо. Петра захватили, и вернулся он в село нескоро...

В самых крайних случаях, когда пересылка бывала особо срочной, помогал нам старший брат Луки Паладийчука — Иван. Он служил

*Треба твердо нам в бою стояти,
Не лякаться, що впав перший ряд,
Хоч по трупах наперед ступати,
Ні на крок не вертатися назад.*

Из стихотворения великого украинского поэта ИВАНА ФРАНКО.

ездовым у чернокозинского попа отца Симеона. Поп частенько заглядывал к своему однокашнику по духовной семинарии на наш берег.

Кто же усомнится в благонамеренности священника! На мосту стражники даже честь батюшке отдавали, как своему фельдфебелю. Вот и пользовался Иван такой оказией!

Книжки я не только носил — почитывал. И всего, что через мои руки шло, оставлял себе понемногу. Потом, когда вырос, очень это пригодилось. Ведь после мировой да гражданской войн снова Збруч стал пограничной рекой. Оказались мы в Польском государстве, а соседи наши — буковинцы, что за Днестром жили, попали в Румынию.

Пришлось нам в те годы нелегко, но были мы уже не такими покорными. В книгах, что у меня хранились, ясно было сказано, за что надо бороться. И знали мы теперь, что писал их Владимир Ильич Ленин. И газету ленинскую, «Искру», вновь перечитывали. Надеждой для нас стала Советская Украина. Верили мы, что наступит час освобождения...

Сбылось все, что из «Искры» узнал мой отец: стал наш край свободным и единым, а мы, крестьяне, землю получили!

Фото Ю. Шаповала

На доме № 22 по улице Ленина во Львове мемориальная доска. Здесь был склад «Искры». Как у большинства домов в южных городах, каждый этаж внутреннего двора опоясан галереями. Нас привели к почтенному старцу, восседавшему в удобном глубоком кресле.

— Юзеф Бартоломович Багерич, — представляется он. — Пенсионер, а в молодости кондитер. В те времена, которые вас интересуют, я был поваром Военного госпиталя. Кстати, в доме № 22 когда-то размещались палаты нашего госпиталя. Позже дом перешел к частному владельцу. Среди жильцов, квартировавших здесь в начале 900-х годов, был господин Деметьев — коммерсант. Только потом уже выяснилось, что под этим именем скрывался агент «Искры» Басовский. К нему часто заглядывали русские эмигранты. Из-за этого вокруг дома постоянно вертелись шпики. А однажды нагрянула полиция. При аресте Басовского вот там, — и наш собеседник показал на заколоченный досками вход в подвал, — нашли целый склад искровских изданий...

— В те времена часто можно было услышать об «Искре», — поддержал разговор сосед Юзефа Бартоломовича и его сверстник Наум Михайлович Швердель, — даже в моем родном селе Саксагань была революционная ячейка, распространявшая эту газету. Сейчас мне уже трудно припомнить фамилии подпольщиков, но, наверняка, мои земляки хорошо помнят, как арестовали «братьев-искровцев», как позже один из них вернулся и устроил в селе тайную типографию... Может, розысками очевидцев и документов займутся пионеры?

Австрийским сыщикам пришлось изрядно поломать голову, прежде чем они напали на второе тайное хра-

ПАМЯТЬ, ПАМЯТЬ...

Смотрел из глубины ворот, как наш корреспондент разговаривает со старожилом. И вдруг подумал: какое счастье, что есть люди, которые помнят.

Я подумал: не явись мы сейчас сюда — ничего страшного бы не стряслось, правда? Ну, пропала бы, потерялась бы бесследно крупница истории, одна из миллионов крупниц.

Вот они падают, неуловленные, оседают бесшумным дождем. Это здесь, на вашей же улице, может быть, за стенкой: бабка вяжет, дед глядит в телевизор, а в памяти каждого целый огромный мир.

Он не заперт от нас на замок, наоборот, — как иногда распахнется даже без просьбы! А мы в досаде переминаемся, глаза за окном, рука на дверной ручке: «Потом когда-нибудь, некогда, мальчишки ждут».

И опять бесшумный дождь падает, и мы еще хватимся, еще узнаем любой его капле цену, — но не поздно ли будет?

Не потом, но когда-нибудь, — сегодня подставим ему ладони.

СК

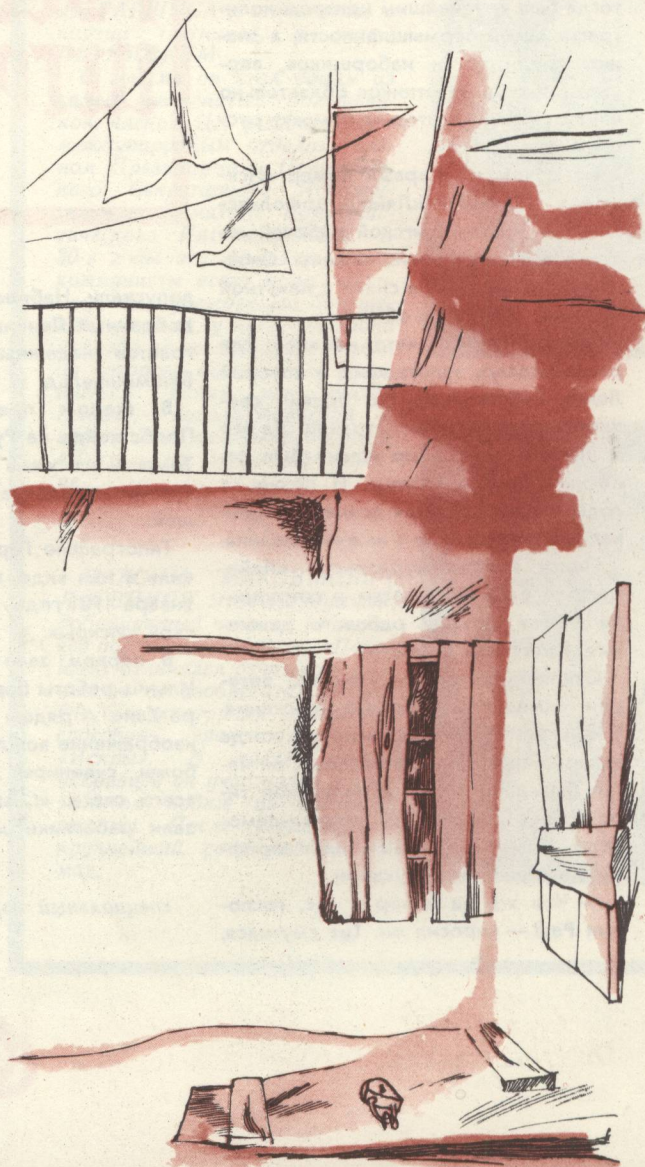
ДВА ДОМА

нилище «Искры» во Львове. И где! На добротном коммерческом книжном складе в доме № 26 по улице Чарнецкого.

На этой улице издавна помещались типографии, книжные склады, переплетные мастерские, библиотеки. Да и сегодня, заглянув во двор дома № 26, мы услышали перестук печатных машин и почувствовали терпкий запах сохнущего клея.

Судьба снова была благосклонна к нам. Теплый летний дождик заставил нас искать спасения в просторной подворотне. Здесь мы и повстречали аккуратного и энергичного старичка, который охотно стал рассказывать о делах давно минувших дней. Григорий Львович Дмитриев как никто другой был знаком с историей дома и хорошо помнил о событиях, сделавших это скромное здание одной из главных достопримечательностей Львова.

— Тридцать пять лет я был хозяином этого дома! — с гордостью начал старичок. — Нет, он не принадлежал мне. Я лишь заведовал здесь хозяйством. Много журналов, издательств, контор перебивало под этой крышей. Сколько известных писателей, поэтов и журналистов работали тут, и даже сам Иван Франко! В этом самом доме помещалось Научное товарищество имени Шевченко. Сюда Ивану Франко был прислан первый номер «Искры». А ведь по свидетельству помощника и соратника Ленина В. Д. Бонч-Бруевича, Владимир Ильич сам лично проверял список адресатов для первого рассылки газеты! «Искра» поступала к нам и потом. В библиотеке общества сохранились целых три комплекта ленинской газеты...

○ Лейпциг

На стене зала, где принимают гостей журналисты «Ляйпцигерфольксцайтунг», в рамках за стеклом три газетных номера. Левый — экземпляр газеты, вышедший 75 лет назад. Номер посередине отпечатан на следующий день после свершения Великой Октябрьской революции, в нем сообщения из Петрограда. А третий — совсем не похожий на остальные, на русском языке. В заголовке его значится: «Искра» № 1.

Да, я знал, что первая общерусская политическая газета печаталась в немецком городе Лейпциге. Почему Ленин выбрал именно Лейпциг? За этим городом не очень-то следили власти — он не считался революционным. Кроме того, Лейпциг уже тогда был крупнейшим центром полиграфической промышленности, а значит, среди сотен наборщиков, верстальщиков и печатников обязательно найдутся такие, которые помогут русским социалистам.

Но почему-то первый номер «Искры» в редакции «Ляйпцигерфольксцайтунг» — «Лейпцигской рабочей газеты» выглядел очень свежим. Слово его только вчера сняли с печатной машины. Я спросил об этом.

Долгое время никто не знал, где располагалась типография, в которой Ленин собственноручно правил свежие оттиски газетных страниц. Да это и понятно: Владимир Ильич был отличным конспиратором. И позже, в годы фашизма, люди всячески скрывали то, что связано с именем Ленина.

Поиск начали журналисты «Лейпцигской рабочей газеты» и сотрудники Музея истории рабочего движения. Выступили в газете.

Откликнулся Макс Пуршвиц, ветеран немецкого рабочего движения. В январе 1901 года, как раз когда вышел первый номер «Искры», он часто бывал по делам в маленькой типографии Германа Рау, социал-демократа. Как-то Пуршвиц увидел шрифты с незнакомыми буквами.

— Что это за набор у вас, господин Рау? — спросил он. Тот смутился,

а потом сообщил под строгим секретом, что печатает газету русских революционеров.

Пуршвиц помог найти дочь Германа Рау, которая подтвердила эти сведения. Более того, муж ее оказался одним из немногих, посвященных в тайны нелегальной газеты. Пауль Томас был учеником в типографии Рау. Кроме Пауля, самого Рау и его компаньона социал-демократа Поле, никого из местных жителей во время печатания «Искры» в типографию не

допускали. Набирал газету лично подобранный Лениным из русских эмигрантов надежный товарищ Иосиф Блюменфельд.

В старом предместье Лейпцига Пробстхейде на Руссенштрассе Пауль Томас и его жена показали серое неприметное здание с черепичной крышей.

Типографию Германа Рау восстановили в том виде, в каком была она в январе 1901 года. Здесь музей ленинской «Искры».

В первом зале — бюст Владимира Ильича работы берлинского скульптора Хане. А рядом — макет «Авроры», изображение вождя на фарфоре, альбомы, сувениры. Значки здесь — со всего света. «Свыше тысячи», — сказали работники музея. Пластинка —

Бетховен (Ленин любил музыку Бетховена) и надпись «От Александра Пашкова — офицера Советской Армии». В этот зал, как живому, люди приносят подарки Ильичу.

Второй зал — типографский. Вещей подлинных почти нет, но все достоверные, потому что они относятся к началу века, они старательно восстановлены старыми мастерами типографского дела.

Слева у окон — массивный словно бы комод с плоскими ящичками — наборная касса. В ящичках шрифты. Каждая буква в своей ячейке. Где было взять в Германии русские шрифты? Революционерам-безбожникам помогла церковь. Типографии Лейпцига печатали по заказу синода — управления русской православной церкви — священные книги. Здесь и похитили шрифты немецкие товарищи. Шрифтов хватало только на две газетные страницы. А всего их было восемь. Так что печатание «Искры» было делом долгим.

Вот массивный чугунный талер — плита, на которой строчки собираются в столбцы, а потом — в газетную страницу, только страницу металлическую и словно бы наоборот — как будто рассматриваешь ее в зеркале. Освещение — керосиновая лампа. Какое было наборщику при плотно завешенных окнах ковыряться в мельчайших буквахках ручного набора!

В глубине зала — печатная машина с ручным приводом. Крутил помощник печатника колесо с тяжелым маховиком, — и машина плотно притискивала металлическую страницу к чуть влажному бумажному листу.

Я тоже покрутил это колесо. Ого, какое тяжелое! Паулю Томасу надо было иметь крепкие мышцы.

Все оборудование в типографии действует. И, глядя на первый, подлинный номер «Искры», старые типографские рабочие набрали, свертали и отпечатали точно такие же.

Вот как на стене в «Ляйпцигерфольксцайтунг» оказался первый номер нелегальной газеты русских марксистов.

В. Осинский,
специальный корреспондент Восьмого Большого Путешествия «Костра»
Лейпциг — Ленинград

Ленин говорил: «Вообще весь гвоздь нашего дела теперь — перевозка, перевозка и перевозка. Кто хочет нам помочь, пусть всецело наляжет на это...»

Командор-5 рассказывает об одном из лучших транспортных агентов «Искры».

ТАЙНЫМИ ТРОПАМИ

Иосиф Таршис родился в Литве, в маленьком Вилькомире — теперь этот городок называется Укмерге. Его старшие братья были связаны с революционерами, и маленький ученик дамского портного Ося очень рано узнал о борьбе рабочих с капиталистами.

Уже в детстве он слышал, как на тайных сходках у братьев читают запрещенную литературу, он знал, что если где-то бастуют, надо помогать бастующим всем, чем можешь, даже если они совершенно незнакомые тебе люди. Вернулся из тюрьмы или из Сибири «политик» — так будь гордым, что удостоился чести приютить такого человека у себя! Или узнал, что кто-то плохо держал себя на допросе, — сторонись его, как зачумленного...

Одно из первых впечатлений его юности: из Риги приехал рабочий, и в нем опознали провокатора охранки. Старшие товарищи Иосифа заманили его в глухой переулочек и избili до смерти.

Одна из первых прочитанных книг — «Как держать себя на допросах» Акимова, нелегальная.

С шестнадцати лет Ося участвует в забастовках, в налетах на полицейские участки, в маевках.

Первый транспорт «Искры» переправили через границу приятели Таршиса, рабочие-щетишники из Восточной Пруссии, имевшие постоянные пропуска на русскую сторону (они работали на русских приграничных фабриках). Но вот проблема, как доставить эту трехпудовую корзину от границы до склада в Вильнюсе на Благовещенской, 3/5? По железной дороге рыщут жандармы... Таршис сообразил нанять повозку. Возница почуял неладное (зачем это человек нанимает подводку, когда рядом идет паровоз!) и стал через каждые

ИСКРОВЦЫ

С НИКОЛАЕМ ЭРНЕСТОВИЧЕМ БАУМАНОМ агентам охраны удалось расправиться в 1905 году. Он был убит подлым ударом сзади. Но и похороны его превратились в грандиозное выступление трудящихся против царизма. Николай Эрнестович был первым нелегальным агентом «Искры». Ленин писал, что в истории «Искры» Бауман один из главных практических руководителей дела.

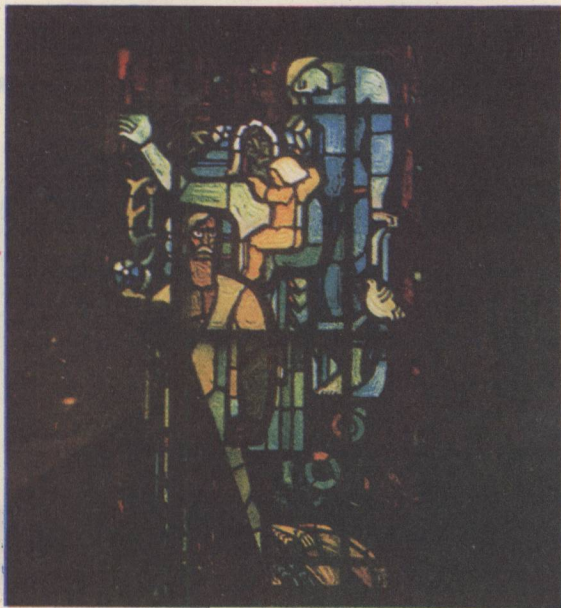
Он получил удостоверение полномочного агента ЦК на имя товарища М. Д. Фрейтага. По-немецки Фрейтаг — пятница, ТАРШИСА и стали звать в партии Пятницей, а потом ПЯТНИЦКИМ.

С годами он стал одним из самых знаменитых большевиков, членом ЦК и заведующим международным отделом, членом Президиума и Политического Секретариата Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. В 30-е годы эту фамилию знали коммунисты всего мира. «Пятница был убежденный большевик, цельный, у которого слово никогда не расходится с делом, на которого можно было положиться. Таким его считал Ильич», — писала Крупская. А начинал он маленьким агентом «Искры» на литовской границе...

МАКСИМ МАКСИМОВИЧ ЛИТВИНОВ. Этот остроумный, добродушный человек (одна из его партийных кличек — «Папаша») отличался отчаянной смелостью и изобретательностью. Он был «автором» множества способов транспортировки «Искры». В числе десяти искровцев он участвовал в знаменитом побеге из Киевской тюрьмы. После революции — крупнейший советский дипломат.

Намять, намять...

Много лет назад фашисты сожгли в Литве партизанскую деревню Пирчюпис.

Мы побывали в Пирчюписе. Дождь лил такой, что не выйти из автобуса, струи заливали окно, и статуя посреди чистого поля теряла очертания, истаявала, растворялась в пасмурном сумраке. Небо, и трава, и камень, — все было серым, полустершимся, как воспоминанье о давнем-давнем.

Но пылал в пирчюписском музее витраж. Из разноцветных стекол, во всю стену.

Там были стекла зеленые, как трава, синие, как небо, красные, как кровь. Женщины с детьми на руках, выслусые старики и желтоволосые парни смотрели на нас сквозь огонь.

Этого огня никакому ливню не погасить.

СК

пять верст набавлять цену. Да ладно, лишь бы довез — юноша соглашался на все... Вот уже и Ковно — так назывался тогда Каунас — уже и до Вильнюса недалеко — и вдруг на мосту дорогу преградила стража. Это были таможенники! Возница поспешил получить плату и уехать, а корзину выгрузили на мост для осмотра. Провал, арест, тюрьма? Но смелым, говорят, сопутствует удача. Пока они ехали от границы, настала ночь, и теперь в темноте таможенный чиновник никак не мог прочесть название газет и книг, сложенных в корзине. Он зажег спички, одну за другой, но свежий ветер с Немана, будто сообщник революционера, тушил их до тех пор, пока не кончился коробок. «Будем ждать до утра!» — решил таможенник. Иосиф не растерялся: «Да меня хозяин живьем съест, если к утру газеты не будут в лавке», — занял он, и в руку таможенника

скользнула золотая пятерка: «Подсобите, господин чиновник, взвалить корзину на спину». «Но я должен иметь хотя бы по экземпляру, чтобы утром прочитать и не беспокоиться», — нерешительно запротестовал таможенник. «Пожалуйста, берите», — Таршис уверенно достал из корзины брошюру, протянул чиновнику одной рукой, а другой стал взваливать тяжелую корзину на плечи. Схватив брошюру, чиновник другой рукой невольно подбросил корзину вверх, и не успел еще он сообразить, что ему дали только брошюру, а не газету, как подпольщик уже завернул за угол. (Нельзя же было допустить, чтобы утром, прочитав «Искру», таможенник узнал, каким маршрутом она доставляется в Россию!)

За углом Таршис упал — не осталось больше сил. С трудом, волоком, пиная корзину ногами, полпелся он к намеченной явке.

Так Иосиф провел свой первый транспорт. В декабре 1901 года настала очередь второго. На этот раз Таршиса пригласили явиться в какую-то странную избу на границе. На полу ночевал скот, а на печи хозяева и гости. Иосиф догадался, что это контрабандистский притон, ему стало страшно — всю ночь не спал. Однако неожиданностей не произошло — хозяева передали четыре тюка, дали подводу и доставили его с грузом в Ковно.

Казалось, дело сошло на редкость благополучно. В ковенской гостинице Таршиса должен был ожидать получатель литературы, и сюда же собирались прибыть за «Искрой» военные из Вильнюса. Значит, его часть сделана полностью! Довольный, он направился в гостиницу, увидел на окне условный знак — «безопасно» — и смело вошел в двери... Но в коридоре юношу перехватил слуга: «Сейчас же уходите! В номере — засада!» Удалось уйти, но он остался в Каунасе один, без денег, адресов и связей.

Деньги удалось занять. Но что делать дальше — даже с деньгами? Остаться с литературой — опасно. Жалко вместе с собой провалить десять пудов литературы. Уехать за «Искрой» в Вильню, самому передать ее на склад? А если военные как раз в это время приедут в гостиницу, где их ожидает засада? Он решил отправить тюки с кем-нибудь в надежное место, а самому перехватить товарищей на вокзале и предупредить их!

Каунасских искровцев Таршис не знал, но он нашел здесь двух друзей-земляков, литейщика Рогута и щетинщика Каценеленбогена. Они пообещали Иосифу доставить «Искру» на родину, в Вилькомир, и спрятать там у родных. И вот повозка с тюками «Искры» неторопливо двинулась из Ковно в Вилькомир.

В воскресенье повозка благополучно достигла городка. Оставалось проехать еще несколько сот метров, и транспорт был бы спасен, но как раз в это время из церкви со всей местной знатью выходил исправник. Он увидел повозку, на дуге которой побрякивал колокольчик.

— Как ты смеешь ездить с колокольчиком! — заорал он на возницу. — Я приказывал, чтобы с колокольчиком ездил только мой экипаж и пожарные!

— Я не здешний, не знал приказа, ваше благородие.

— Взять в участок!

Щетинщик Каценеленбоген сообразил схватить тюк с «Искрой» и скрыться в толпе. А второй товарищ, Рогут, видимо, пожалел извозчика и литературу. Он пошел в участок и сказал городовому: «Возьми пять рублей, — это были все его деньги, — отпусти подводу».

То ли денег показалось мало, то ли в участке уже успели вскрыть пакеты — Рогута тут же арестовали. Вся полиция была поднята на ноги — искали второго, ушедшего товарища. «Кто с тобой был? Кто дал литературу? Давно состоишь в организации?»

Рогута зверски мучили, избивали до потери сознания, потом стали возить из участка в уча-

сток для опознания; водили голым в декабрьскую стужу по снегу. Он молчал.

Таршис был потрясен, узнав об аресте Рогута. Ведь этот даже не был искровцем! Он страдал и мучался за другого, за него — Таршиса. Встретив, наконец, в Каунасе товарищей, он спрашивал их только об одном: что теперь делать? Может, отдаться в руки полиции, признаться во всем и выручить друга? Но разум подсказывал: тебя-то заберут, а Рогута не выпустят.

Прошло около месяца. И вдруг пришла страшная весть: не выдержав побоев и издевательств, в Ковенской тюрьме повесился Рогут.

Это был переломный момент в жизни Таршиса. Он дал себе клятву, что отныне вся его жизнь будет принадлежать революции. И для памяти товарища Иосиф сделал все, что мог: съездив в Вилькомир и забрав оттуда тюк с «Искрой», он выпустил в городе листовку, где объяснил историю ареста Рогута и его самоубийства. Смерть товарища стала искрой для нового костра революционной агитации.

Через какое-то время Таршис попал в тюрьму — это судьба каждого революционера — но бежал оттуда, перебрался за границу, встретился с Лениным и был направлен им в транспортное бюро партии.

Намянь, намянь...

В пионерский лагерь «Кауно марнас» мы попали как раз в тихий час.

У многих ребят из этого лагеря родители работают на бумажной фабрике, делают бумагу для книг и журналов, и для «Костра» в том числе. Мы собирались передать бумажникам наш привет и спасибо, но передавать оказалось не через кого: лагерь спал.

Не с кем нам было познакомиться, не с кем погулять по берегу рукотворного Каунасского моря.

Не спал семилетний Вовка-дежурный. Он ходил по аллеям с прутиком. Мы спросили его, как он думает, что в этих местах было полвека назад.

— Колхоз, наверно? — предположил Вовка.

Но мы ничуть не рассердились на такое неслыханное предположение.

Значит, действительно хорошо, надежно потрудились те же революционеры-искровцы, если сегодня такой вот курносый Вовка уже не может себе представить, чтобы мир мог быть устроен иначе.

Что же до остального, — так для того мы в конце концов и ездим, для того и выпускаем наш журнал, чтобы рассказывать о том, что вам пока не совсем известно.

А Вовка тем временем решил сбегать наперегонки с инструктором костровской школы «Спринт». И в два счета обогнал почтенного инструктора, и безжалостный объектив навеки запечатлел эту наводящую на раздумья картину.

КС

Как это делалось

Устав от безуспешных попыток решить головоломки, которые что ни день задавали подпольщики царским ищейкам, господин полковник Октаэдров искал отдохновения в прекрасном.

В магазине художественных изделий он самолично выбрал изящную статуэтку «Стыдливая купальщица». Стыдливой купальщице предстояло отныне украшать домашний кабинет полковника.

Купальщица была гипсовая, внутри пустая и совершенно неразговорчивая. Даже проникшись симпатией к новому хозяину, она не могла бы рассказать ему, что провезла в Россию, как сотни ее сестер и братьев, множество экземпляров нелегальщины. Безвкусные немецкие статуэтки служили хорошим посылочным ящиком, тем более что после опустошения их можно было сдать в магазин на продажу.

Полиция перлюстрировала (вскрывала и прочитывала) почти всю заграничную переписку. Поэтому искровцы писали бесцветными чернилами между строк безобидного письма с приветами и пожеланиями здоровья. «Химическое» письмо нужно было проявить над огнем.

Важную часть письма еще и шифровали. В ходу был простой, но надежный шифр. В качестве ключа брали стихотворение. Шифровали буквы дробями: числитель — порядковый номер строки, знаменатель — буквы в строке. Просто, но попробуй разгадай, если не знаешь стихотворения-ключа!

* * *

Заключительное стихотворение КОСТИ ТЕРКИНА зашифровано по этому способу. Чтобы найти ключ, нужно сначала вспомнить стихотворение, откуда было взято название и эпиграф к «Искре», а потом стихотворение А. С. Пушкина, связанное с ним. Стихотворение Пушкина — ключ.

15/4 7/12 12/15 3/13 12/21 1/7 15/16 5/11 10/13 3/12 9/1 2/12 6/15
 11/21 1/10 3/22 9/9 16/12 6/13 1/7 14/6 7/18 15/22 6/17 4/17 4/20 11/15
 15/23 3/13 2/5 1/18 10/20 10/21 3/3 2/3 2/11 10/17 10/18 1/18 12/20 5/20
 5/21 12/17 2/5 14/6 7/10 5/19 5/20 8/14 15/22 10/9 3/6 3/24 3/22 13/10
 3/24 7/20 16/20 9/20 12/21 2/19 3/16 6/16 11/20 14/2 11/14 6/18 4/18
 10/16 6/4 4/16 6/19 12/22 13/2 14/8 10/26 5/7 7/23 13/2 13/1 14/15
 4/13 3/9 8/17 14/20 14/21 5/10 5/21 3/21 3/22 7/19 8/17 8/18 10/20
 15/19 16/9 16/16 8/5 6/21 11/1 10/10 9/21 5/19 3/9 2/10 1/7 14/15 14/20
 9/12 7/22 5/5 2/13 4/16 13/12 7/1 7/17 10/23 9/20 6/23 7/3 6/7 1/16
 7/13 4/16 9/20 15/16 15/22 11/19 11/20 10/24 6/9 13/9 11/12 4/16 12/22
 2/19 1/21 1/2 11/20 10/2 10/1 7/7 5/1 1/3 1/4 5/15 15/22 14/5 13/6
 5/10 2/19 2/9 5/4 3/19 1/2 3/21 8/1 8/2 8/16 5/16 5/19 2/12 2/16 3/25
 3/23 16/19 12/20 10/24 3/21 10/17 6/11 1/5 1/3 1/2 1/4 3/9 11/1 8/1
 8/16 5/16 11/11 16/12 9/15 1/4 1/9 1/8 10/22 3/9 15/5 13/2 7/7 5/13
 13/4 11/1 11/2 7/12 5/21 1/20 7/22 8/10 8/18 8/17 2/1 14/14 11/5 11/6
 8/17 1/13 1/20 12/23 1/20 12/23 3/19 15/18 7/22 7/3 7/2 9/3 13/10
 13/4 11/7 11/8 9/13 6/24 7/18 16/19 12/20 10/24 12/21 12/9 13/2 15/13
 15/14 15/15 14/21 4/17 11/19 9/21 4/20 9/17 9/18 10/20 10/21 10/25
 14/5 6/12 7/5 10/6 4/20 10/16 3/24 3/22 2/20 1/1 11/6 15/4 15/5 9/12
 6/23 6/20 4/16 11/16 15/4 15/5 12/13 12/16 12/15 6/23 13/8 13/10 12/8
 2/17 1/5 4/13 7/23 10/17 9/20 5/10 3/16 12/21 12/20 16/19 6/13 8/18
 10/23 10/24 14/15 13/16 14/19 4/9 12/11 10/13 10/24 10/22 10/25 14/5
 14/1 14/2 4/9 4/10 10/13 10/15 14/11 15/12 15/17 14/8 3/13 9/12 9/13
 9/14 9/18 10/3 4/3 6/5 6/16 6/17 8/15 8/17 8/18 12/12 12/21 8/14
 4/18 4/13 6/19 8/10 5/6 6/16 2/5 2/19 3/5 12/19 6/16 6/17 1/18 1/2
 1/21 4/19 12/18 12/19 4/12 4/5 9/16 3/21 15/7 15/8 3/13 9/18 13/2

**В первом этапе
Восьмого Большого Путешествия „КОСТРА“
участвовали:**

Владимир Герасимов — Командор-1

Галина Георге — Командор-2

Алексей Лосев — Командор-3

Юрий Михайлов — Командор-4

Михаил Хейфец — Командор-5

Феликс Нафтальев — Спецнор-командор (СК)

Георгий Ковенчук — Командор-художник

ДВА ОДИНАКОВЫХ ВЕЛОСИПЕДА

Яков Длуголенский

Рисунки

Ю. Данилова

Летом Женька жил на даче. Вообще-то он предпочел бы жить где-нибудь в другом месте, скажем, в пионерлагере, но мама говорила, что на даче воздух лучше, потому что когда триста пионеров и школьников пройдут по территории лагеря, от пыли и гомона нечем становится дышать.

Кроме Женьки, на даче жили хозяева и артист Римша, который глотал пинг-понговые шарики и вынимал их из Женькиного уха.

Римша приезжал на дачу каждый понедельник — понедельник был у него выходной. И хотя в остальные дни комната Римши была незанятой, Женьке все равно казалось, что в ней сидит Римша.

Однажды — это было в пятницу — Женька заглянул в комнату, зная наверняка, что Римши нет, и — ошолбенел: Римша был! Римша, одетый во все черное, молился на электрический счетчик.

— Вы верите в бога? — оторопело спросил Женька.

— Нет, — ответил Римша.

— Тогда... что же вы делаете?

— Молюсь.

Напуганный Женька попятился из комнаты. И пришел в себя только дома, когда узнал от сестры, что Римша — артист.

С тех пор он ходил за Римшей, ожидая неизвестно чего.

Сегодня он встретил Римшу у дома.

— Здравствуй, молодец! — сказал Римша, разглядывая Женьку.

— Здравствуй.

— Ты куда идешь?

— Домой.

— А я — на речку. Хочешь покататься на велосипеде? Женька хотел. Он уже совсем было сказал об этом Римше, но вовремя вспомнил, что пора домой.

— Нет, спасибо, в другой раз... А то, знаешь...

— Знаю, — сказал Римша и пошел, размахивая полотенцем.

Иногда Женька говорил Римше «вы», а иногда «ты», и Римша на это совершенно не сердился.

В саду у клумбы стоял Римшин велосипед. Одним плечом он упирался в дерево, другим — в крыльцо. Женька знал: если подразнить Римшин велосипед как следует красной тряпкой, он наверняка выскочит из своей засады и бросится на Женьку...

У чудного артиста, который молится на электрический счетчик и умеет глотать пинг-понговые шарики, наверняка должен был быть чудной велосипед.

Совсем недавно точно такой велосипед Женька утопил в речке. До этого велосипед стоял на даче целый месяц, и мать каждый раз говорила о том, что пора бы этому велосипеду возвратиться к себе домой, но сестра поднимала брови — они у нее толстые, как беличий хвост — и говорила, что не поведет этот велосипед к хозяину, хозяин должен прийти сам.

Хозяин не приходил.

А велосипеда уже не было.

Но об этом не хотелось вспоминать: Женька надеялся, что Игорь Петрович — приятель сестры и владелец велосипеда — еще достанет свою машину со дна реки.

Женька вошел в комнату.

За столом сидела мать, сестра и неизвестно откуда взявшийся Игорь Петрович.

У всех троих были кислые лица.

Но когда Женька вошел в комнату, все трое, как по команде, улыбнулись, и он понял, что эти улыбки для него.

Женька тоже выдавил из себя улыбку. Но ему было нехорошо.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Здравствуй, — сказал Игорь Петрович.

— Вы приехали к нам...

— Игорь Петрович приехал за велосипедом, — сказала сестра.

— Вы приехали за велосипедом? — переспросил Женька.

— Да. Думаю, ты покатался на нем достаточно.

Тогда сказала мать:

— Что вы! Мы не разрешали ему кататься совсем! Он проехал на нем всего один раз до речки и вернулся обратно...

И хотя мать по незнанию говорила неправду, Женька, чтоб эта неправда звучала более убедительно, сказал:

— Да, это так...

— Но я вижу, ты не очень-то торопишься расстаться с моим велосипедом! — сказал Игорь Петрович и почти подмигнул. — А?

Это подмигивание почему-то обнадежило Женьку.

Он сказал:

— Идемте, я покажу вам...

Ему не хотелось говорить при всех о велосипеде. Он хотел говорить с Игорем Петровичем о велосипеде по-мужски: «Игорь Петрович, я буду собирать на пляже бутылки, но отработаю велосипед!»

— Я уже видел его, — сказал Игорь Петрович. — И не делай больших глаз. Он стоит у крыльца.

— Как тебе не стыдно! — сказала сестра Женьке. — Мы говорим, что ты катался всего раз, а ты...

Женька лихорадочно думал.

Ему было ясно, что сестра и Игорь Петрович не помирились.

Ему было ясно, что они меньше всего говорили здесь о велосипеде.

Ему было ясно, что велосипед им нужен для того, чтоб больше не говорить при Женьке о том, о чем они здесь говорили.

— Да, — сказал Женька, — я прокатился на нем до реки.

Велосипед Рымши стоял на том же месте.

Игорь Петрович внимательно осмотрел его.

— Что осматривать-то, — сказал Женька.

— Как тебе не стыдно, — сказала мать.

Велосипед Игоря Петровича давно покоился на дне реки. Он утонул, когда Женька с приятелями делали из него «водяную машину». Утонули понтоны, утонул велосипед, и Женька едва выплыл. Женька, когда выплывал, очень надеялся, что сестра помирится с Игорем Петровичем и Игорь Петрович на радостях все простит.

— Крыло поцарапано, — сказал Игорь Петрович.

Женька промолчал. Ему было обидно за велосипед Рымши.

— Мы вам заплатим, — сказала мать.

Она вышла за Игорем Петровичем и Женькой и теперь наблюдала.

А сестра не вышла. Значит, они не помирились.

— И сумочки с инструментами тоже нет...

Рымше они были не нужны. У Рымши велосипед всегда в порядке.

— Мы вам заплатим, — сказала мать.

Женька готов был принести сумочку — она лежала под матрацем, но боялся, что явится Рымша, и позор будет такой, что сестра не сможет больше ходить в институт.

«Воры!» — закричит Игорь Петрович. И пойдет говорить об этом всем.

— Так-так-так, — сказал Игорь Петрович и повел велосипед из сада.

Вот он сел в седло, вот уже заработал педалями.

— Он что, — облегченно спросил Женька, — поедет в город на нем?

— Нет, — сказала мать, — до электрички.

— В электричку не пустят...

— Бог с ним! А тебе должно быть стыдно! Зачем ты ездил сейчас до реки?

— Стыдно...

— А теперь ты куда?

— Скоро буду...

Но Женька не надеялся, что скоро вернется. Он шел в милицию. Он шел в милицию заявлять на себя.

На повороте ему встретился умытый Рымша. Он шел, помахивая полотенцем, и что-то пел.

— Ты куда? — спросил его Рымша.

— Да так, — сказал Женька.

— А надолго?

— Не знаю.

Не очень-то скоро выпустят из милиции...

— Ну, хорошо, — сказал Рымша. — Только не забудь, что сегодня мы смотрим загадочные картинки...

— Не забуду, — вздохнув, сказал Женька.

...В единственной комнате отделения милиции было пусто, и Женька очень удивился, так как думал увидеть здесь толпу задержанных жуликов, а рядом должны стоять вооруженные милиционеры, и на полкилометра вокруг все должно было пахнуть порохом.

— Ты куда, мальчик? — спросил Женьку младший лейтенант, который сидел за низенькой загородкой. На столе перед младшим лейтенантом лежала горка очиненных карандашей, а пепельница была набита стружкой.

— Я украл велосипед, — безнадежно сказал Женька.

Младший лейтенант по инерции еще продолжал очинивать последний карандаш, но потом вдруг остановился и сурово посмотрел на Женьку:

— Зачем ты это сделал?

Женька рассказал все как было.

— Все это хорошо, мальчик, — подумав, сказал младший лейтенант, — то есть, плохо... Но сначала должно поступить заявление от потерпевшего...

— От Рымши?

— От него.

— Ладно, — сказал Женька, — я ему скажу, чтоб он написал заявление...

— Скажи, скажи, — обрадовался младший лейтенант. — Все это, конечно, формальность, но иначе нельзя... Вдруг ты все это придумал? Взял и придумал.

— Я не придумал, — грустно сказал Женька.

— Я тебе верю, — успокоил младший лейтенант. — Но только пусть он напишет заявление.

Женька нашел Рымшу, который ходил по саду, разыскивая свой велосипед.

— Женька, — сказал Рымша, — я ищу свой велосипед. Я могу поклясться, что оставил его час назад у клумбы!..

— Да, Сергей Борисович, вы оставили его у клумбы, но я, Сергей Борисович, отдал ваш велосипед...

— И надолго ты его отдал? — озабоченно спросил Рымша.

— Навсегда, наверное, — сказал Женька. — На вашем велосипеде уехал Игорь Петрович, и я не думаю, что он его вернет...

— Но, Женька, — удивленно сказал Рымша, — у него же есть точно такой велосипед! Почему бы ему не уехать на своем?

Запинаясь, Женька объяснил, в чем дело.

— Ну, Женька, — сказал Рымша, — по тебе плачет детская колония!

— Да, — сказал Женька, — я уже был в милиции.

— В милиции?..

— Да, и они сказали, что вам надо писать заявление...

Несколько минут Рымша оторопело разглядывал Женьку.

— А ты помнишь, где ты утопил велосипед?

— Куда мы идем? — спросил Женька Рымшу, когда они вышли на улицу.

— К Коле, — сказал Рымша.

— К какому Коле?

— К спасателю.

— А-а, — сказал Женька. — Так он, значит, полезет на дно и достанет велосипед?!

— Достанет, — сказал Рымша.

— Я его знаю, — вспомнил Женька, — он все лето ходит в шерстяном свитере.

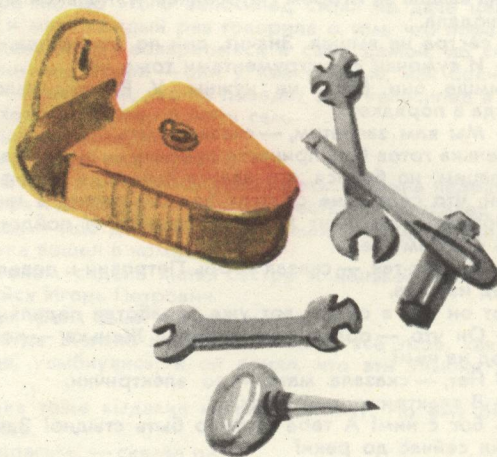
— Потому что согреться не может: под водой холодно.

— А откуда вы его знаете?

— У-у, — сказал Рымша. — Мы старые знакомые.

... Вечером Женька и Рымша чинили и чистили основательно поржавевший велосипед.

— Я давно собирался его перекрасить, — говорил Рымша. — Да все руки не доходили. Так что, в какой-то степени, ты оказал мне услугу. Но на будущее запомни... — тут Рымша сердито посмотрел на Женьку. — Больше перекрашивать я его не собираюсь...

Дружба - Prietenie

По-румынски «луминице» значит «светлячок». А еще «Луминице» — имя Клуба интернациональной дружбы в 374 школе Ленинграда.

В Совете клуба шестиклассники Саца Гуреев, Наташа Соколова, Игорь Васильев, Таня Нилова.

Саца Гуреев:

— Мы не только пишем письма и шлем посылки в Румынию. В кружках Клуба мы изучаем румынский язык. Таню Игнатову, Игоря Пичугина, Тамару Баранову в шутку называют переводчиками: они свободно читают по-румынски.

Мы отправили в Бухарест рисунки Коли Трубицкого и Жени Хомутиной. Это лучшие школьные художники. «Пусть рисунки будут подарком румынским девочкам к Восьмому марта», — сказали ребята.

Наташа Соколова:

— В школе есть «румынский зал»: постоянная выставка, посвященная Социалистической Республике Румынии.

Руководительницы кружка Бухарестского Дворца пионеров каждый год присылают нам свои вышивки, юные художники — рисунки.

Игорь Васильев:

— Недавно новые адреса взяли Валерий Филиппов и Марина Наумова. Мы сначала спросили их, есть ли им о чем писать румынским ребятам... Дали прочесть самые интересные письма от румынских друзей.

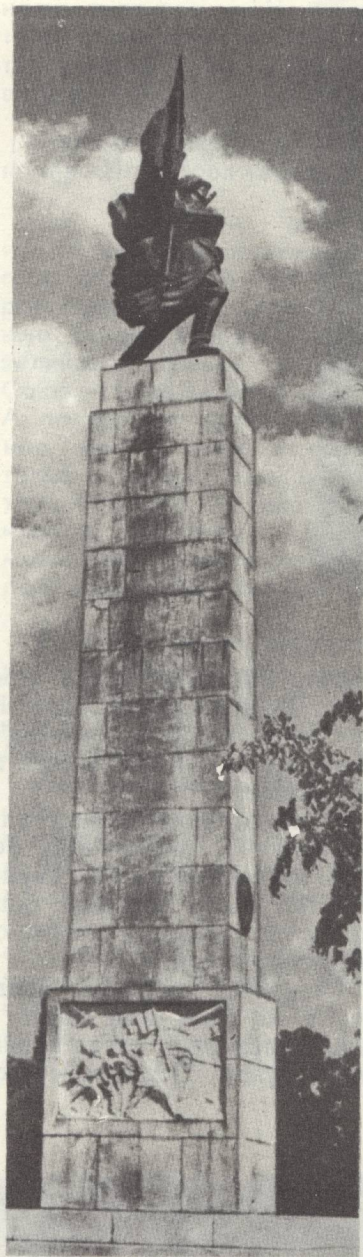
Вот адреса школ для переписки:

Румыния, Бухарест, школа советско-румынской дружбы.

Румыния, Констанца, школа № 20.

Адреса двух румынских школьниц из города Анина:

*Patorasii Mariana
Str. Theorghe Theorghiu-Dej
№ 46 Anina, Rai Resita, Reg. Banat*

Бухарест. Памятник в честь героизма советских воинов напоминает о дне освобождения Румынии от фашизма

*Blaj Margareta
Strada H. Muresanu
Bl. II Nr. 9 Anina
Rai Resita Reg. Banat*

МОЙ ДРУГ АЛЕКСАНДРУ

Осенью прошлого года ленинградский журналист А. Ожегов впервые побывал в Румынии. Вот его рассказ о встрече со школьником Александром:

На днях я отправил письмо своему новому другу — одиннадцатилетнему румынскому школьнику Александру Миронеску, который живет в городе Констанце на бульваре Ленина. Познакомился я с ним осенью, когда путешествовал по его солнечной стране. Причем, нельзя сказать, что наша первая встреча носила приятный характер.

Я мечтательно бродил по приморскому парку Констанцы. Вдруг — резкий скрип тормозов и буквально в нескольких сантиметрах от меня проехал юзом на велосипеде черноволосый мальчишка. Еще метр — и он остановился.

От неожиданности я совсем забыл, что нахожусь в чужой стране, где говорят на своем языке, и принялся было по-русски отчитывать подростка за лихую езду. Каково же было мое удивление, когда он вежливо и довольно чисто ответил по-русски:

— Извините, но вы тоже виноваты. Здесь нет перехода.

Я обрадовался такому обороту дела и разговорился с велосипедистом. Александру Миронеску почти год жил с родителями в Москве...

Он рассказал мне о своих советских друзьях — московской школьнице Любе Дмитриевой, ее родителях.

Александру — пионер. Я стал спрашивать его о румынской пионерии.

— В нашей стране первые пионерские отряды, — сказал мальчик, — появились двадцать лет назад. В июне прошлого года мы праздновали этот юбилей.

Сейчас полтора миллиона румынских мальчишек и девочек носят красный галстук.

Из школы, где учится Александру, туристы совершили походы по местам, связанным с вооруженным восстанием румынского народа против фашистского режима в августе 1944 года.

В июне, в «День пионеров», в Бухаресте у Памятника героям родины состоялся митинг. Организацию пионеров награждали высшим орденом страны — «Звездой Социалистической Республики Румынии» 1-ой степени.

Александру и его друзья просили передать пионерский привет ленинградским школьникам, что я с удовольствием и делаю.

ПОКА

СТУЧИТ

СЕРДЦЕ

— Ваша цель в жизни?
Шарлен Митчелл: Борьба. Борьба за свободу негров. Борьба за счастье, мир и свободу.

...Американские гиды предупредили нас, что в Гарлеме—негритянском районе Нью-Йорка—белым ходить небезопасно. «Мало ли что может произойти, — мрачно сказал Нед, переводчик нашей группы. — Швырнут камнем случайно. Или случайно на вашу

голову выльется ведро помоев... Всякое может быть. На вас же не написано, что вы из Советского Союза». И все же мы пошли.

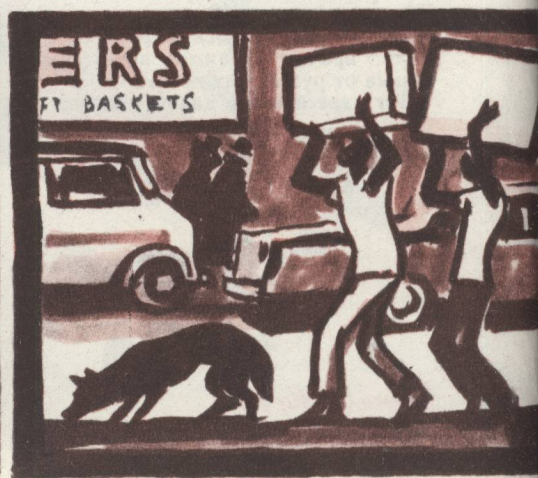
После отполированных улиц Манхэттена, сверкающих реклам, шикарных машин Гарлем угнетал своей мрачной тишиной и молчаливыми окнами обшарпанных домов.

Несколько часов мы бродили, и ни разу нам никто не улыбнулся, не помахал приветливо рукой. Полутемные, сы-

рые подвалы, зловонный воздух, кучи мусора, обрывки бумаг, оборванные ребятишки — все, о чем вынуждены иногда писать даже американские газеты, мы увидели в тот день.

Гарлем — для черных. Здесь рождаются и вырастают люди, чьим трудом воздвигнуты небоскребы и метрополитен, перекинуты ажурные мосты, построены дороги. Здесь рождаются и вырастают, чтобы бороться...

В тот день, проходя мимо од-

ного из домов Гарлема, я не знал, что там живет женщина, чье имя известно сегодня всему миру. В шестнадцать лет она стала коммунисткой. На последних президентских выборах в США компартия впервые в истории Америки выдвинула своего кандидата — негритянку — на пост президента. Этим кандидатом народа была Шарлен Митчелл.

И вот через пять лет, уже в Москве, в теплый летний день произошла наша встреча. У Шарлен пронизательный взгляд, короткие вьющиеся волосы и тонкие, изящные руки. То и дело она улыбается — широко и светло.

— Что Вас удивило в Москве, в нашей стране!

Шарлен Митчелл: Дети. Или, точнее, отсутствие детей в городах летом. Мы были во Дворцах пионеров в Москве, Казани, Ленинграде, и всюду было мало детей. «Где они?» — спрашивала я. Мне отвечали: «За городом, в лагерях». И вот мы за городом. Чудесный лагерь. Четыреста ребят выстроились на торжественную линейку. Потом они пели, танцевали, показывали фокусы. Я смотрела и плакала. В каждом вашем ребенке живет талант. И ему дана возмож-

ность развиваться. Наши дети тоже талантливы. Но эти таланты умирают, не успев развиться.

Шарлен раскрывает свежий номер «Нью-Йорк таймс».

Вот, смотрите, объявление. Стоимость путевки в лагерь отдыха 600—700 долларов. Разве могут заплатить такую сумму батраки? США — великая страна. Советский Союз — тоже великая держава. А положение детей — разное. Вот почему я плакала тогда в лагере. Вам, конечно, трудно понять, что такое голод, нищета, унижения... Все это можно встретить в любом городе Америки на каждом шагу

Я стою на берегу Миссисипи, на том самом берегу, куда не раз причаливали пароходы, на которых работал лоцманом Марк Твен.

Медленно несет Миссисипи свои шоколадные воды. Во времена Марка Твена по ней ходили маленькие пароходики, плоскодонные и широконосые баржи. А сейчас вместо них — огромные суда. Повисли легкие мосты. Вдоль берега — нескончаемые склады, взлетные площадки для самолетов-амфибий и вертолетов. И только малень-

кий уютный теплоход, предназначенный для прогулок по могучей реке — второй по величине в мире, — чем-то напоминает времена Марка Твена.

«Малыш» медленно, будто подчиняясь неугомонной силе Миссисипи, тянется к шлюзу, чтобы потом по каналу вернуться в Новый Орлеан.

Многое изменилось и в Новом Орлеане: выросли просторные современные улицы, разросся порт. А вот негры как были грузчиками, как занимались «черным» трудом в те марктовские времена, так и сейчас занимаются тем же самым.

Впрочем, можно, конечно, найти и другую работу. Скажем, работать лакеем в ресторане, чистильщиком обуви, лифтером в гостинице.

В вечернем баре мы видели, как негр в течение двадцати минут оттопывал под звуки джаза чечетку. С него градом лил пот. И уже не улыбка, а гримаса усталости и печали лежала на его лице. Но негр плясал. Плясал ради того, чтобы получить от посетителей жалкие центы. Получить в протянутую руку. Если бы Марк Твен сидел в тот вечер рядом с нами, он бы узнал старый Орлеан, его порядки и нравы. Девяносто лет назад он писал о пету-

шиных боях, о скачках мулов, куда собиралась именитая знать города, о шикарных масленичных карнавалах. Сейчас этого нет. Но по-прежнему на базаре у стены стоит негр-мальчуган. На нем полотняная рубаха. Лицо усталое. В руках — гитара. Вокруг небольшая толпа. Слушают грустную негритянскую песню. О чем она? О Миссисипи. О шоколадных ее водах. О солнце, которое каждый день купается в волнах реки и которое светит людям по-разному. У ног гитариста кепка. В ней несколько серебристых монет. Люди, послушав песню, бросают в кепку монету и уходят. Подходят новые слушатели. Задерживаются на минуту и снова уходят. Неизменным остается лишь сам музыкант.

Я встретился с ним утром, а вечером на том же самом месте я увидел его снова. Мне показалось, что этот негр-мальчишка навечно занял свое место на рынке — свое постоянное рабочее место. Сколько вот таких мальчишек-негров в Новом Орлеане? Мы встречали их всюду. А им бы как раз читать книжки Марка Твена, гонять мяч или с ватогой ровесников жить где-нибудь в лагере на Миссисипи...

— Как проходило Ваше детство?

Шарлен Митчелл: Я родилась в большой негритянской семье. У меня было пять братьев. Жили мы в нужде и заботах. Чем только не занимались мои братья — и обувь чистили, и грузчиками работали. Я рано поняла, что такое жизнь. Когда мы переехали в Чикаго, мне верилось, что жизнь будет легче. Но для негров в Америке любой город — недобрая мачеха. В девять лет, в конце тридцатых годов, я впервые увидела, как целые негритянские семьи были выброшены на улицу за то, что им нечем было платить за квартиру. Страшные картины до сих пор стоят у меня в глазах. У меня не было настоящего детства. У меня его украли. Тогда я еще не понимала, кто украд улыбки, книги, развлечения. Об этом я узнала, когда чуть-чуть повзрослела.

Вы сказали, что Ваша цель в жизни — борьба. Когда она началась для Вас?

Шарлен Митчелл: В 1943 году я вступила в организацию «Американская молодежь за демократию». Мы боролись против фашизма. До нас доходили вести из Совет-

ского Союза. Вначале тревожные, потом ободряющие. Мы знали, что под Москвой, Ленинградом, Сталинградом шла битва не на жизнь, а на смерть. Битва против фашизма. Наша организация была солидарна с советским народом. Мы боролись за открытие второго фронта. В те дни я познакомилась с коммунистами, впервые открыла книги Маркса и Ленина. А в 16 лет меня приняли в коммунистическую партию США. Этот день я считаю началом моей настоящей борьбы против несправедливости на земле.

— Жизнь коммуниста в Вашей стране полна опасностей. Что Вы больше всего цените в своих товарищах по партии?

Шарлен Митчелл: Мне не раз приходилось участвовать в пикетах, демонстрациях, митингах. Во времена Маккарти я скрывалась в подполье. Всегда и во всем я чувствовала локоть своих друзей. Мне кажется, что любовь к людям, бесстрашие и мужество — вот главное в моих товарищах по партии.

... Митчелл ни слова не сказала о себе. Но каждый прожитый ею день таил в себе опасность. Сколько раз агенты нападали на ее след! Но друзья

по партии спасали отважную Шари, как ее ласково называла в детстве мама. Когда она снова вернулась к легальной работе, американские власти начали угрожать Митчелл судом. В гарлемский дом пришла повестка. Шарлен вызывали в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Ее обвиняли в измене интересам Америки. И Митчелл вступила в открытую схватку с чиновниками из госдепартамента. Заранее подготовленные телекамеры были включены, как только Шарлен начала свою речь. Миллионы американцев услышали правду о тяжелой судьбе негритянского народа. «Положение негров в нашей стране такое же, как сто тридцать девять лет назад, когда началась борьба за наши права. Самая высокая безработица — среди негров! Самая высокая неграмотность — среди негров! А вы говорите о «великом обществе»!

Надо иметь мужество коммуниста, чтобы на всю страну произнести такие слова. Митчелл сказала их.

— Компартия США выдвинула Вас кандидатом на пост президента. Как проходила предвыборная кампания, чего добились коммунисты США?

Шарлен Митчелл: За двадцать восемь последних лет компартия США впервые получила возможность назвать своего кандидата в президенты. Сам этот факт подобен разрыву бомбы. Буржуазные газеты вылили на нас море лжи и клеветы. Неслыханно! Ужасно! На пост президента — женщина-негритянка! Толстосумы боятся коммунистов и делают все, чтобы народ не знал правды. Посудите сами: в 47 штатах США компартии запрещено баллотироваться. А в 20 запрещено избирателям вносить в списки кандидатов коммунистов. Вот вам и демократия! Я баллотировалась лишь в трех штатах. И все же последние выборы — это наша победа. Голос компартии звучал по всей стране. На предвыборные митинги собирались тысячи людей. И мы говорили им правду. Честно и прямо.

— У Вас есть сын, Стив. Каким Вы хотите видеть его через несколько лет?

Шарлен Митчелл: Ему скоро исполнится восемнадцать лет. Я не хочу, чтобы он воевал во Вьетнаме. И он не хочет этого.

... Шарлен сняла с руки алюминиевое кольцо и грустно

улыбнулась. Кольцо сделано из металла американского самолета, сбитого в ДРВ.

Это кольцо мне подарили в Берлине женщины, и я не сниму его до тех пор, пока мои соотечественники, посланные нашим правительством душить свободу вьетнамского народа, не уберутся к себе домой. Мой сын не будет никогда воевать в джунглях Вьетнама!

— Кому Вы подражали в юности?

Шарлен Митчелл: У каждого человека есть свой идеал. Среди первых я называю Ленина. В юности на меня сильное впечатление произвел подвиг Зои и Шуры Космодемьянских. Их преданность Родине и долгу — беспредельны.

... Мы прощаемся с Шарлен Митчелл. Завтра она уезжает в Америку. Впереди — борьба. Каждый день. Каждый час. Пока стучит сердце.

С. Фурин

*Нью-Йорк — Вашингтон —
Новый Орлеан — Москва*

*Рисунки
В. Орлова*

Как работал Ленин, как отдыхал, чему радовался, в чем проявлялись его мужество, скромность, непримиримость, чем располагал к себе людей — об этом лучше всего рассказывают те, кто близко знал Владимира Ильича, работал с ним и встречался.

Воспоминаний о Ленине написано множество самыми разными людьми. И некоторые изданы для детей.

Особенно интересно прочесть воспоминания Н. К. Крупской «О Владимире Ильиче Ленине», Г. М. Кржижановского «Шу-шу», В. Д. Бонч-Бруевича «Наш Ильич» и Е. Д. Стасовой «Каким был Владимир Ильич Ленин».

Все они в молодости начинали вместе с Владимиром Ильичом революционную борьбу, в годы эмиграции встречались за границей и уже при Советской власти работали вместе с Лениным до последних дней его жизни; Г. М. Кржижановский — возглавляя комиссию по электрификации страны (ГОЭЛРО), В. Д. Бонч-Бруевич — как управляющий делами Совета Народных Комиссаров, Е. Д. Стасова — как секретарь Политбюро ЦК РКП(б).

Пишут ли они о молодом, но уже закаленном подпольщике В. И. Ульянове, рассказывают ли о Ленине как организаторе и государственном деятеле — все в их воспоминаниях достоверно и подлинно. И любой, пусть небольшой, эпизод открывает ту или другую сторону ленинского характера.

Бонч-Бруевич вспоминает, например, как в ссылке, в Шушенском, Владимиру Ильичу понадобилось переслать «на волю» свою статью, написанную для нелегальной газеты. Но как, кому переслать, чтобы статья не попала бы в руки полиции?

Ильич выбрал самого, казалось бы, неожиданного адресата. Старую революционерку, которая жила в Астрахани под... гласным надзором полиции.

Статья была послана, конечно, не заказным письмом, не из Шушенского, и под вымышленной фамилией. Исписанные мелким почерком листки Владимир Ильич вложил между двойными войлочными подошвами, которые сам подшил к валенкам. В письме же сообщал: ему де известно, что бабушка болеет ревматизмом, что в сыром климате ноги надо держать в тепле — «носите, не простужайтесь».

Это был тонкий расчет изощренного конспиратора. Ну кто из охраны заподозрит, что человеку, за которым наблюдает полиция, кто-либо осмелится послать нелегальную литературу? А посылка с валенками для покойной женщины не вызовет подозрений.

Так оно и получилось. «Бабушка», благополучно получив валенки, поняла, что они с секретом, — статья Ильича попала в газету.

... Вспоминая историческое заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, где было объявлено, что Временное правительство низложено, министры арестованы, что вокзал, телеграф, почта заняты, что штурм Зимнего завершается, Надежда Константиновна пишет: «Бурно приветствовал Совет пришедшего на заседание Ленина. Ленин делал доклад. Он не гово-

рил никаких больших слов по поводу одержанной победы. Это характерно для Ильича. Он говорил о другом, о тех задачах, которые стоят перед Советской властью».

О чем говорят эти скупые строчки? О мудрости государственного деятеля. Революция победила. Она будет развиваться и начнет новую эпоху в истории России. И, следовательно, поставит перед трудящимися новые задачи. Об этом будущем уже думал Ленин, об этом говорил депутатам.

... Е. Д. Стасова сообщает, что на вопрос анкеты «какие языки знаете?», Владимир Ильич отвечал: «английский, немецкий, французский — плохо, итальянский — очень плохо». Когда же на заседании II Конгресса Коминтерна в 1920 году речь шла о Германской коммунистической партии, Ленин говорил по-немецки, а разбирая ошибки итальянского делегата, перешел на французский.

«Вспоминаю, — говорит Стасова, — гул, который прошел по залу. Иностранцы не могли представить, что русский, который только что говорил блестяще по-немецки, так же свободно владеет французским».

Само собой, здесь проявилась не только скромность Владимира Ильича, но и его требовательность к себе. Умение свободно объясняться на каком-нибудь языке, по его мнению, еще не означало настоящего знания языка.

... Книга «Ильич в Разливе» написана рабочим сестрорецкого завода Н. А. Емельяновым. Это он в тревожные дни лета 1917 года подготовил на берегу озера Разлив убежище для Ленина, вынужденного уйти в подполье. Книга Емельянова — свидетельство огромного самообладания и мужества Ленина.

Изо дня в день Владимир Ильич встречал Емельянова, всегда спокойный, выдержанный, приветливый. Он прочитывал газеты, которые приносил ему Емельянов, и продолжал писать свою книгу «Государство и революция». Лишь позже Емельянов узнал,

что именно тогда Ленин писал одному из членов ЦК: «... если меня ужокошат...», то есть отчетливо сознавал, какая опасность ему угрожает.

... Книги племянника Ленина — В. Д. Ульянова «В Горках» и «С Лениным в автомобиле» Л. Подвойского — рассказывают о встречах с Лениным, которого они увидели и узнали еще детьми. Вам будет интересно прочесть эти книги, ибо в них — впечатления ваших сверстников.

... Книга «Рассказы о Ленине» — это как бы биография Владимира Ильича, написанная многими авторами. Кроме родных Ильича, сестер и брата, кроме близких людей, хорошо знавших Ленина, в книгу включены воспоминания партийных и хозяйственных работников, иностранных коммунистов, ученых, инженеров, рабочих, деятелей искусства, тех, кому посчастливилось по работе обращаться к Ленину. Каждый привносит свои впечатления, добавляя все новые штрихи в многогранный образ гениального вождя пролетариата и большого обаятельного человека, чье сердце, ум и жизнь были отданы великой цели человечества — коммунизму.

КАКИМ БЫЛ ИЛЬИЧ

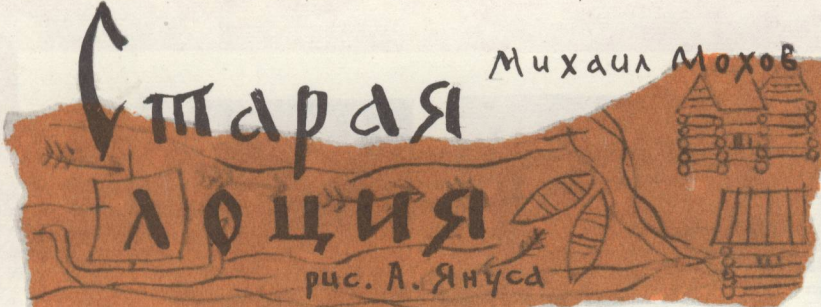
**КНИГИ
О
ЛЕНИНЕ**

Старая Лощица

рис. А. Януса

Михаил Мохов

На почте

Краеведческий музей Малиновской школы славился на весь район. Основала музей Вера Федоровна, учительница истории. Плахин и Ельцов были ее главными помощниками. Их так и прозвали — музейщики.

Третьим музейщиком была Надя Братышева, большеглазая молчаливая девочка. Отец ее был начальником отделения связи, и Надя жила при почте.

Иногда клиенты приходили на телефон, когда почта была уже закрыта. Надя усаживалась с книжкой на отцово место, за перегородкой. Клиент дожидался разговора, потом начинал кричать в трубку. Надя бежала за отцом. Отец приходил, выписывал квитанцию и получал деньги.

В этот вечер кричал в трубку клиент в черном берете. У клиента было

— Книгу нашел. Кни-гу. Да, очень. Можно взять. Уже договорился, заедем в августе. Академику пока что предложи кованый светец. Можно переделать на торшер. Проси пятьдесят, — доисторическая вещь! Как там наши?..

Клиент кричал больше десяти минут и совсем охрип.

Спустя сутки, или Это называется — кража

За домом, у повети, в густой траве сидели двое мальчишек. Время было позднее, хотя и светлое — белая ночь. Плотный широкоплечий Коля Плахин привалился спиной к срубу, маленький светловолосый Саша Ельцов вертелся, ерзал и принимался шептать:

век повалился на постель, зашуршало сено. — Еще потолкуем, я тут не в последний раз. Прялки прялками, а книгу ты тоже уступишь, куда тебе такое старье. А тут живые деньги...

— Без денег везде худенек, — отозвалась баба Гуся. — Ну, спи. — И она ушла в избу, хлопнув дверь. Человек на повети поворочался и затих.

Пора!

Дом бабы Гуси старый, ему лет полтора. Просторная поветь, — сеновал, — пристроена к дому сзади. На поветь ведут двое ворот, к воротам — наклонные бревенчатые въезды. Воз с сеном может проехать поветь насквозь.

Саша неслышно скользнул в приоткрытые ворота. Человек спал тут же, в двух шагах, Саша едва не наступил на него. Постель почти на полу, — сена у бабы Гуси осталось совсем мало.

Саша постоял, присматриваясь к темноте.

Вот они, прялки! Стоят у стены, связанные бечевкой. Саша взялся плотнее, приподнял. Легкие, высушенные временем.

В то же мгновение сердце у него ухнуло куда-то вниз. Человек резким движением сел на постели и, повернув лицо к Саше, заборотал:

широкое белое лицо — как тесто, которое только что вылили на сковороду. Понемногу лицо краснело от науги, блин подумяннвался.

— Край непуганых птиц! — орал клиент. — Клондайк! Две прялочки отправил, завтра еще две и кое-что медное. — Надя уже хотела встать и идти за отцом, но осталась. — Что? Какой Соловьев, академик? Ну, ты даешь! Пусть говорит настоящую цену. Что?

Клиент оглянулся на девчонку, но та с головой ушла в чтение.

— А вдруг он в избе заночует? А вдруг прялки не возьмет на поветь?

Коля отвечал хладнокровно:

— Жарко в избе. А с прялками не расстанется, он такой...

Наконец, на повети послышались шаги. Что-то мягкое шлепнулось на прошлогоднее сено, и голос бабы Гуси заговорил:

— Мягко будет. Захочешь курить — выходи на улицу. А то заронишь огня, и сам сгоришь, и меня спалишь.

— Ладно, бабуся, — ответил мужской голос, и было слышно, как чело-

— Не роняй, не роняй, не роняй... (У Саши моментально вспотела спина). Покажи Ивану Ивановичу... Край непуганых птиц... Пушкин заплатит... Не роняй на пол!

Так же неожиданно он лег и снова затих. А Саша еще долго не мог оторвать ноги от пола.

Через четверть часа ребята подошли к дому Веры Федоровны. В окне мерцал огонек. Покашляли. Учительница выглянула из окна, потом вышла к ребятам, строго, недовольная.

— Ельцов? Плахин? Вы что это по ночам разгуливаете? Думаете, в седьмой класс перешли, так все можно? Ну, что случилось?

Слушая ребят, Вера Федоровна проводила рукой по прялке, будто пыль стирала. Как днем, была видна тонкая благородная роспись черным и красным по желтому. Цветы, звери, листья.

— Настоящая пинежская... Великолепная... Ах, баба Гуся! А то, что вы сделали, называется кражей. Опоздали — значит, опоздали. Пойдите и положите на место. До свидания.

Спустя неделю, или Баба Гуся

Против Саши и Коли не могла устоять ни одна старушка. Действовали они по-разному. Коля молча брал топор и колол дрова до тех пор, пока сердце старушки не смягчалось. Иногда это происходило не раньше, чем дров было наколото на ползимы. Саша в это время трещал без умолку, рассказывая в лицах смешные и страшные истории, на что он был великий мастер.

И вдруг — нашла коса на камень. Коля третий день колол дрова возле

дров и взялся косить траву вокруг дома. Он зашел в избу поискать бруска, — надо было поточить косу, — и остановился. Со стены, из общей рамы, на него смотрело множество фотографий родственников бабы Гуси. Коля задумался и вдруг, оглянувшись, на цыпочках подошел к стене.

Ребята видели, как Коля, вместо того чтобы косить, пробежал куда-то по переулку. Они ругали его, — думали, что бежит купаться. Но Коля уже стучался в дом учителя физики.

Баба Гуся вернулась поздним вечером. Устало взошла на крыльцо, открыла замок. Вошла в избу, повернула выключатель да так и замерла в дверях.

Посреди стола, в незнакомой новенькой рамке, стояла сильно увеличенная фотография ее сына Василия, давным-давно погибшего на войне. Молоденький красноармеец с треугольником на петлице широко улыбался бабе Гусе.

Она опустилась на скамью и так просидела до глубокой ночи. Вспоминала, — и сквозь воспоминания все время звучали голоса ребят, музейщиков, вот уже неделю трудившихся в ее хозяйстве.

дома бабы Гуси. Саша охрип, рассказывая истории про волков. Девочки во главе с Надей перестирали все половики и выпололи огород. Но баба Гуся твердила:

— За помощь спасибо, а если начесть книги стараетесь, так идите лучше гулять. Память это у меня. Нет у меня своей воли, не могу распорядиться. Василья книга-то.

На четвертый день баба Гуся ушла за двенадцать километров в сельсовет. Ребята хозяйничали одни.

Коля Плахин переколот остаток

Спустя месяц, или Книга

В комнатке, заставленной экспонатами, понуро сидели музейщики, как воробьи в ненастье. Смотреть ни на что не хотелось.

А собрано было немало. Тут было всякое — медное, деревянное, глиняное, бронзовое, тканое и портяное, то есть холщовое. Тут были почетные грамоты и фотографии советских лет, экспонат времен вооруженной интервенции на Севере — жестянка из-под керосина с английскими надписями —

и старинный наряд малиновской крестьянки.

Сидели, молчали — и вдруг подняли головы и раскрыли рты. Ведь думали-то о бабе Гусе и ее книге, — и вот она, баба Гуся. Вошла тихая, в черном платке. Негромко сказала «здравствуйте», и оробевшие музейщики тихонько ответили.

Дальше произошло то, чего никто не ожидал. Баба Гуся достала из-под платка и выложила на стол какой-то предмет, завернутый в чистую холстину.

— Берите. У вас сохранно будет. Василий велел вам отдать.

Повернулась и вышла.

И вот открылся порыжевший кожаный переплет. Этим рукописным страницам было очень много лет, бумага пожелтела, многие строки выцвели, по краю листов шли темные разводы — может быть, от морской воды.

На первом листе — большой восьмиконечный крест. На втором крупными прямыми буквами написано:

«КНИГА МОРЕХОДНАЯ С ОЗНАЧЕНИЕМ МЕСТ СКОЛЬКО ОТ ОДНОГО ДО ДРУГОГО РАССТОЯНИЯ И ПРИМЕРЫ СТАНОВИЩАМ ПО ТЕРСКОМУ БЕРЕГУ И РОССИЙСКОЙ ЛАПЛАНДИИ».

— Ну-ка, прочту из середины, — расхрабрился Ельцов и сразу приуныл: — Ничего не понятно. «При воде через коргу будет глуби и грузной лодьи...» Корга какая-то...

— Трудный текст, — согласилась Вера Федоровна. — Но я кое-что читала о поморах. Корга — это каменный островок или мель. Видимо, понимать эту фразу надо так: во время прилива через мель может пройти и груженная лодья.

Ребята увидели синее студеное море, льдины, поморскую крутобокую лодью. Задувает в парус резкий холодный ветер, артель разбирает сети, на корме зорко поглядывает по сторонам бородатый мужик-кормщик, и за пазухой у него эта самая книга в кожаном переплете. Хохочут над лодьей чайки, тюлень — усатый морской зверь — всплывает недалеко от борта.

Надя спросила мечтательно:

— Давно эту книгу писали?

— Давно. Лет четыреста тому назад. Это очень ценная находка.

— А из чего чернила делали?

Мальчишки фыркнули. Вера Федоровна неодобрительно на них посмотрела.

— Заливали гвозди квасом или кислыми шами и получали краску. А теперь давайте посоветуемся.

Спустя полтора месяца, или Горелое место

Компанию музейщики увидели, когда она поднималась по лестнице, от пристани в гору.

Впереди переступал ногами по ступенькам немолодой человек в берете. За ним шли две девицы в зеленых брезентовых брюках и парень сонного вида, с гитарой.

Компания остановилась перед столбом, на котором висел большой фанерный щит с объявлением:

**«К СВЕДЕНИЮ ТУРИСТОВ.
ВСЕ ПРЕДМЕТЫ СТАРИНЫ В
ДЕР. МАЛИНОВКЕ ВЗЯТЫ НА
УЧЕТ В ШКОЛЬНОМ КРАЕВЕДЧЕ-
СКОМ МУЗЕЕ. МУЗЕЙ ОТКРЫТ
ЕЖЕДНЕВНО С 16 ЧАС. ДО 20
ЧАС.»**

Сонный парень присвистнул и сладко зевнул. Одна из девиц сказала:

— Что я вижу... Место горелое?

Человек в берете пожал плечами.

— Ну, попрятали иконы и прялки, — проговорил он снисходительно, и Саша Ельцов узнал голос, бормотавший на повети у бабы Гуси: «Не роняй, не роняй...» — Этого добра у нас и так хватает. А со старухой у меня железный пакт. Пошли. Тут два шага до деревни.

Баба Гуся сидела за самоваром, когда компания ввалилась в избу. Девицы принялись выкладывать припасы, появились круглые баночки с модным кофе. Но пить кофе не пришлось.

Человек в берете тихонько спросил что-то у бабы Гуси, и та ответила коротко:

— В школе.

Человек поднялся из-за стола, стиснул зубы. Девицы поспешно прятали баночки. Тренькнула гитара.

— Дура ты, бабка. Своего форта не понимаешь. Могла бы деньги иметь. Все вы тут...

Баба Гуся тоже поднялась, выпрямилась, и компания вдруг увидела, что старуха сильна и смела: широкие плечи, мужские узловатые руки, твердый подбородок.

— У меня, парень, сын на фронте погиб, — баба Гуся кивнула на увеличенный портрет молодого красноармейца. — Постарше тебя был бы. Работник. По деревням зря не таскался, старух не обманывал. Не тебе меня лаять. Вот вам порог, у меня делать нечего.

Компания посыпалась с крыльца, а там и с высокого берега, к пристани. Приезжие ждали парохода, а музейщики поглядывали на них с высоты и слушали, как сонный парень играл на гитаре. Здорово играл, как артист.

— В музей небось не зашли.

— Нужен им твой музей. Обыкновенные спекулянты.

Тут музейщики отвлеклись немного по разным своим делам, а когда вернулись на берег, компания уже уехала. Пароход уходил по реке, старчески шлепа плицами колес. Будто старик в шлепанцах приковылял издалика и смел, как веником, весь мусор с пристани.

В таджикском пионерском журнале „Машал“, что значит — „Факел“, есть несколько страничек для малышей. Этот журнал в журнале называется „Шарора“ — „Искра“. Путешествуя, „Уголёк“ гостил у „Шароры“, а сегодня „Шарора“ в гостях у „Уголька“.

ПЧЕЛА

Нучман Разыков

Виж-жу-виж-жу-виж-жу-жу —
Я на месте не сижу.

Виж-жу жёлтенький цветок,
Опускаю хоботок.

У меня полно работы,
Наполняю медом соты.

Виж-жу-виж-жу-виж-жу-жу
Я тружусь, когда жужжу.

Рисунки А. Иванова, А. Черепанова, Ю. Ярочкина
Перевел М. Еремик

2

Дилечка, Дилечка,
Не скучай!
На качелях белочек
Покачай!

Мышки пьют из блюдечка
Мятный чай.
Дилечка, Дилечка,
Не скучай!

Мед жужжит и жалит.
Стало мишке жарко.
Пусть воришка знает,
Мне его не жалко!

Гафар Мирзоев

4

АРЧЕБЕК

В КАФЕ «ПРОХОДНАЯ ПЕШКА»

Сегодня изголодавшиеся по шахматной пище смогут подкрепиться свежими трехходовками. Дежурят по кухне наши известные рыцари — Саша Салов из Няндомы, Миша Тимошков из Рудни, Коля Фоминых из Ершовки. Саша угощает миниатюрой (так называются задачи, когда на доске не больше семи фигур и пешек) — белые: Крf4, Фf3, Лh5, п.b2; черные: Крс4, пп.c5, d6. Миша придумал своему блюду такую оригинальную форму (см. диаграмму).

А Коля распорядился так, что и у белых и у черных одно и то же число боевых единиц — по семь. Белые: Кре2, Лс8, Са4, Кd3, пп. b3, e7, f3; черные: Крд4, пп. a6, b4, d5, f4, f5, f6.

Администрация кафе надеется, что сегодняшнее меню придется по вкусу всем посетителям!

КТО БЫЛ ПРАВ?

Рыцарята Знай, Незнай и Полужнай пошли в кино, а в фойе на шахматном столике стояла недоигранная партия. Вот такая — белые: Крд7, Фg1, Ла4, Лh4, Сс8, Cd4, Каб, Кf7, пп. b7, f3, g5; черные: Крд5.

На вопрос «Чей ход?», кто-то ответил рыцарятам, что ход белых. Задумались рыцарята. А потом один сказал:

— Чего мы тут думаем?! У белых столько фигур, что они всегда выиграют!

— А может, они мат не умеют давать? — сказал другой. — Если умеют мат давать, то выиграют, а если не умеют — не выиграют!

— Пусть они умеют мат давать. Но все равно тут белые не выиграют! — возразил третий.

Так и пошли смотреть картину — каждый при своем мнении.

БЮРО «ВОПРОС—ОТВЕТ!»

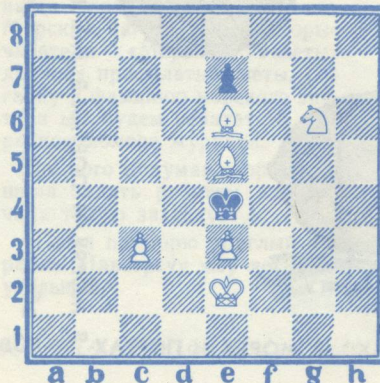
«Как правильно записать решение задачи?» — спрашивает Саша Мулевский из Ржева и многие другие рыцари.

В двухходовках достаточно указать первый ход белых. Белые: Крf2, Фf6, Ch7; черные: Крг4, п. g5. Вот запись решения — 1. Фh8! И все! А что на любой ответ черных последует мат, это уже ясно.

В трехходовках указывают первый ход белых и пишут, какую он создает угрозу (или отмечают, что угрозы нет). Затем приводят все важнейшие ответы черных и вторые ходы белых. А вторые ходы черных и матующие ходы белых писать не обязательно. Белые: Крг7, Фс5, п.b3; черные: Кра5, Сб5 пп.a7,b7,h7. Запись решения — 1.Крh6! Угрозы нет, у черных цугцванг (то есть такое положение, когда любой ход будет лишь во вред тому, кто его делает).

Если 1... Кра6, то 2.b4;
если 1... a6, то 2.Кр:h7;
если 1... b6, то 2.Фа3+.

В четырехходовках и других задачах тоже обрывают решение за ход до мата.

МЕДВЕДЬ И ЗАЯЦ

Вы помните, что на новогоднем балу АРЧЕБЕКА в шахматы сражались Медведь и Заяц? Но сегодня Медведь предложил:

— Давай-ка, Заяц, в шашки?

Сели. Расставили. А Медведь покосился на доску и — ррраз! — все с нее сгреб.

— Слишком много шашек, за всеми не уследишь! Хватит нам и по одной! — и он поставил себе белую шашку на g1.

Заяц взял черную. Но не поставил, а спросил:

— А чей будет ход?

— Хотя бы и твой!

Тогда Заяц поставил шашку на f8 и пошел — 1... f8—e7. Медведь — 2. g1—f2. Заяц — 2... e7—d6. Медведь — 3. f2—g3. Заяц — 3... d6—e5. Медведь — 4. g3—h4. Заяц — 4... e5—f4. Надулся Медведь. Пыхтел, пыхтел, да как рявкнет:

— Сдаюсь!! Снова давай! — и он поставил свою белую шашку на c1. А Заяц помедлил и спросил:

— А чей будет ход?

— Ты, Косой, не хитри! — вспылил Медведь. — Если опять первым пойдешь — на себя обижайся! Зашибу!

Тогда Заяц поставил свою шашку на ту же вертикаль, что и Медведь — на поле c7. И началась игра: Медведь — 1. c1—d2; Заяц — 1... c7—d6; Медведь — 2. d2—e3; Заяц — 2... d6—e5. Протянул Медведь лапу к шашке... Отдернул! Задумался. А потом как вскочит! Но Заяц уже вдали мелькал.

А пока Медведь за ним гонится, установите, выгодно ли начинать — а) когда обе шашки стоят на одной вертикали; б) когда шашки стоят на соседних вертикалях.

ПРИКАЗ № 3

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Шахматистам — посетить кафе «Проходная пешка».

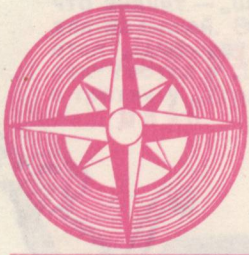
§ 2. Рыцарятам — определить, что сказал Знай.

§ 3. Шашкистам — найти за белых три выигрывающие комбинации рыцаря Сережи Ковалева (Южно-Сахалинск). А) белые: a1, a3, c1, c3, d2, e1, e3, g1, h4; черные: a5, b4, c5, c7, e5, e7, f4, f6, f8, g5. Б) белые: a1, a3, b2, d2, d4, e3, f2, f4; черные: a7, b6, d6, g7, h2, h6, h8. В) белые: a1, a3, b2, c1, c3, e3, f2, g1, g3, h4; черные a5, b6, b8, c5, d6, d8, e5, f6, g7.

§ 4. Срок присылки рапортов до 1 июня. Помечайте на конвертах: АРЧЕБЕК. Указывайте свой адрес!

§ 5. Рапорт присылайте один раз. Поправки и дополнения не принимаются!

ШАХМАТ-АДМИРАЛ ФЕРЗЬБЕРИ

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией капитана второго ранга С. Сахарнова

Год издания 14-й

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ

ИСТОРИЯ КРАНЕЦА

Есть предметы, над которыми не властно время. Например, колесо. Скрипели колеса телег по заполярной степи сотни лет тому, гротали окованные железом колеса щегольских экипажей во времена Пушкина, шуршат по асфальту колеса современных автомобилей. Обули колесо — вот и все изменения.

Или ложка. Ну, что изменилось в ней, скажем, за пятьсот лет?

Так же не менялся на кораблях крапец.

Когда один парусный корабль подходил в море к другому или швартовался к стенке, выбегали на палубу матросы, волочили к бортам парусиновые мешки, набитые обрезками канатов, оплетенные и туго стянутые, свешивали их на

концах за борт и следили, как, принимая на себя страшную тяжесть, плющатся они и скрипят.

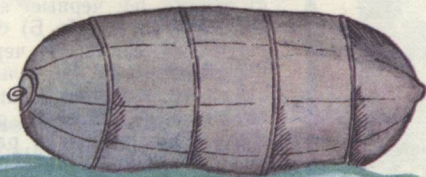
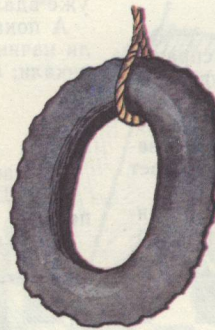
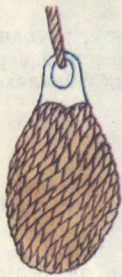
Без крапца — кораблю каюк. Пробьет борт, сломает форштевень, сомнет корму. Раз благополучно подойдет капитан, второй, а на третий — случится беда. Как не подложить упругий крапец, если тысячетонный пароход приваливается к бетонной стенке!

И вдруг начался закат хитроумного искусства плести крапцы. Первой потеснила крапец старая автомобильная шина. Истертые, негодные для дорог шины гирляндами повисли на бортах швартующихся кораблей. Прочная упругая даровая шина стала царить на палубах буксиров, кате-

ров, барж. Появились крапцы из дерева.

Наконец, крапцы стали делать даже пневматическими. Ребристые баллоны из грубой резины, надутые воздухом, незаменимы для китобойцев, танкеров, рыболовецких траулеров, которые швартуются друг к другу в море. Подходишь к плавучей базе передать рыбу, принять груз, сбросил на воду упругую черную сигару, за ней — вторую, стоят два судна, толкает волна одно к другому, а мягкая резина пружинит, спасает борта.

Когда построили гигантские танкеры водоизмещением в 100, 200 и 300 тысяч тонн, то для них изготовили пневматические крапцы. Каждый с вагон. Это уже не плавучая сигара, а целая цистерна.

И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

абвгдежзийклмнопрстуфхцчшщъыь

абвгдежзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюяё

Ночью каждый порт полон огней. Светят прожекторы, помогают рабочим на причалах, блестят стекла освещенных домов, шарят по дорогам фарами автомобили. Это огни не корабельные.

У кораблей свои огни. Выйди на

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

абвгдежзийклмнопрстуфхцщъыьэюяё абвгдежзийклмнопрстуфхцщъыьэюяё абвгдежзийкл

край причала, присмотри к хоро-
воду цветных огоньков на воде,
запомни их.

У каждого корабельного огня
свое название, у военных кораб-
лей — свои огни.

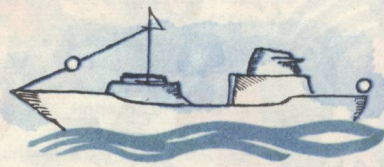
В июньском номере газеты мы
расскажем об огнях, которые несет
военный корабль.

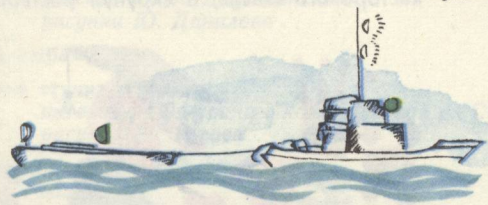
Судно идет прямо на нас

Судно идет, обращенное к нам
правым бортом

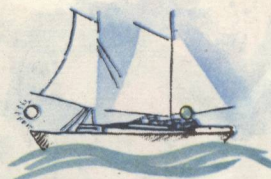
Судно стоит на якоре

Буксир с баржей идет вправо от нас

Парусное судно идет на нас

Парусное судно идет вправо от нас

абвгдежзийклмнопрстуфхцщъыьэюяё абвгдежзийклмнопрстуфхцщъыьэюяё абвгдежзийклмн

Отряд юных моряков на параде
г. Пушкин

Однажды капитан Быстроходов и боцман Румпель вышли на ялик в залив.

— Суши весла! — скомандовал капитан, заметив, что боцман устал. — Поменяемся местами, боцман?

— Догребу! — возразил бра-
вый моряк.

— Ну, тогда для отдыха да-
вайте придумывать загадки. Морские загадки, на которые читатели «Морской газеты» должны присылать ответы. Отгадку и фамилию морского зна-
тока мы будем печатать в оче-
редном номере журнала.

Немного подумав, моряки ре-
шили задать ребятам для на-
чала такую загадку:

«Плыл по морю круглый ко-
рабль. Навстречу ему четырех-
угольный.

— Какой ты смешной! — ска-
зал круглый.

— Ты смешнее.

— Ползешь как черепаха.

— И ты не быстр.

— Зато я старше.

— А я... я...

Обиделся четырехугольный и
уплыл».

Что это были за корабли?
Когда и в какой стране были
построены круглые корабли?
Какие корабли, если посмотреть
на них сверху, — четырехуголь-
ные?

Ждем ваших писем. Наш
адрес: Ленинград, Гаврическая,
37, редакция журнала «Ко-
стер», капитану Быстрохо-
дову.

ЗАГАДКИ

В. Уфлянд

Старинная задача про аптекаря

Городской аптекарь магистр Тинктур Суспензориус разбил свою единственную мензурку. А в это время явился посыльный из дворца с приказом приготовить эликсир для больного короля. Предание сохранило состав эликсира: 3 скрупулы валерьяновых капель, 5 скрупул касторового масла, 8 скрупул раствора

Карта капитана Флинта

Покойный Флинт, отчаянный пират,
На острове зарыл несметный клад.
В одном из капитанских сундучков
Осталось пять пергаментных клочков.

О Флинт! Нарушил ты закон пиратской чести,
Не захотел друзей пред смертью научить,
Какие два клочка составить нужно вместе,
Чтоб карту острова Сокровищ получить.

Качается корабль. Грохочет гром.
Кончается в бочонке крепкий ром.
Не спят пираты третью ночь...

Пиратам бедным просим вас помочь.

Четыре соседа

Сотрудник журнала «Костер» приехал в колхозный поселок, чтобы взять интервью у школьников Юры, Саши, Миши и Лени. Нашему сотруднику сразу показали четыре

марганцовокислого калия, 11 скрупул нашатырного спирта. Принимать натошак, перед употреблением взбалтывать.

Плохо пришлось бы магистру, если бы в аптеке не нашлось двух склянок, вместимость которых была ему случайно известна. Одна склянка вмещала 7 скрупул, другая — 10. С их помощью господин Суспензориус и отмерил необходимое количество лекарственных веществ. 3 скрупулы он отмерил просто: налил склянку вместимостью 10 скрупул полную валерьянки, залил из нее дополненную меньшую склянку. В большой склянке осталось 3 скрупулы. А как он отмерил 5, 8 и 11 скрупул? Предание об этом умалчивает.

Попробуйте разрешить эту задачу.

соседних дома, где живут ребята. Однако найти, кто из ребят в каком доме живет, оказалось не просто. Вот что увидел наш сотрудник.

СОДЕРЖАНИЕ

Вот моя деревня повесть В. Арро рисунки Т. Капустиной	1
Страна Поэзия Ольга Берггольц гравюра С. Мочалова	24
Вечно звучащий голос рассказ Александра Бартэна рисунок И. Латинского	26
Восьмое Большое Путешествие «Костра»	28
Два одинаковых велосипеда. рассказ Якова Длуголенского рисунки Ю. Данилова	46
«Дружба»	49
Пока стучит сердце интервью С. Фурина с коммунисткой из США рисунки В. Орлова	50
Каким был Ильич обзор книг	54
Старая лощия очерк Михаила Мохова рисунки А. Януса	56
Уголёк журнал для малышей рисунки из журнала «Шарора»	59
Арчебек рисунок Е. Захарова	61
Морская газета оформление О. Зуева	62
Загадки рисунки М. Беломлинского	64
Школа «Спринт»	3-я страница обложки
Спасибо, самовар! стихи Ю. Коринца рисунок В. Гальбы	4-я страница обложки

Рисунок на обложке
М. Беломлинского

Главный редактор В. В. Торопыгин
Редакционная коллегия: Г. И. Баринова, А. А. Крестинский,
Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов,
Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Тереминская
(ответственный секретарь), Л. В. Успенский,
И. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор Ю. П. Мезерницкий Технический редактор А. А. Двораковская

Корректор В. А. Маевская
Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37,
телефон 14-57-76

М-61562. Подписано к печати 22/XI 1969 г. Формат 60×90¹/₈.
Печ. л. 8±1 вкл. 6,36 усл. п. л. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 430 000 экз.
Заказ № 2001. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Ленинград, Кронверкская ул., 7

Что за три кита, на которых строится фундамент спортивных достижений?

Ежедневная зарядка, регулярные тренировки и... — умение использовать любую жизненную ситуацию так, чтобы лишний раз побегать, попрыгать, подтянуться; умение в любых обстоятельствах наладить спортивные занятия.

Юные спринтеры об этом не забывают!

«Сделали разминку в зале, наигрались в слона, бег 30 метров по кругу. Шли домой. Уже стемнело. А надо дома еще и работу одну сделать: подоить корову. Известно, что все равно — солнце не засветит, день не настанет. И мы побежали: бежали легко, быстро, свободно, а когда остановились, то две девочки сказали: — Бежали так, что даже пальто сделалось легче...»

Из письма Людвиги Губарь,
деревня Махновичи,
Гомельская область

«Каждый день я делаю зарядку. Сразу после упражнений я прыгаю в холодный погреб доставать картошку, несколько раз подтягиваюсь, а затем без помощи лестницы вылезая».

Из письма Людвиги Бугай,
деревня Шагалка,
Новосибирская область

«Зимой, в декабре месяце, когда замерзла бухта, мы построили на ней футбольное поле. Натаскали досок, поставили штанги и прибили перекладины...» А потом: «... температура доходила до +3° и северный ветер вынес льды вместе с нашим полем».

Из письма Валерия Деменок,
поселок Провидения,
Магаданская область

СПАСИБО, САМОВАР!

Ю. Коринец
Рисунок В. Гальбы

У меня есть
Друг зеркальный:
Сроду не был он
Печальный!

И хотя он
Очень рыжий,
Он не немец,
Не поляк, —
В мире нет мне
Друга ближе:
Он из Тулы,
Он туляк!

Говорят,
Ему сто лет,
Но совсем он
Не скелет:
И румян он,
И пузат,
Как сто лет
Тому назад!

Все его,
Кто с ним знаком,
Почитают
Остряком:
Кто взглянуть
В него захочет,
Непреренно
Захохочет!

Ну-ка, быстро
Посмотри:
Узнаешь
Себя
Внутри?

Если нос у вас
Курнос —
Расплывется,
Как поднос!

Ну, а если
Длинный нос —
Он повиснет,
Как вопрос!

Узнаете
Эти груши?
Не пугайтесь —
Это уши!

Вы на друга
Дуться бросьте!
Заходите
Чаще
В гости!

Все мальчишки
Здесьних мест
Знают,
Что он шишки
Ест!

А потом
Воды напьется,
А потом
Глотнет огня,
А потом вдруг
Как займется
На крылечке
У меня —

Засипит
И забормочет,
Запоет
И закипит!

Всех,
Кто чаю
Выпить хочет,
Он от пуза
Угостит!

Утром чай,
В обед
И в ужин —
Вот канов
Его товар!

Он всегда нам
Очень нужен!
Ну, спасибо,
Самовар!

